

СТАЛКЕР

РУСЛАН ОСИНЦЕВ

422

ТРОПАМИ ПРИЗРАКОВ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Руслан Осинцев

СТАЛКЕР. Тропами Призраков

«Автор»

2023

Осинцев Р.

СТАЛКЕР. Тропами Призраков / Р. Осинцев — «Автор», 2023

Зона. Смертельно опасное, полное неизведанного место, манящее любителей адреналина и наживы - сталкеров. Роман, согласившись на неожиданную авантюру от старого приятеля, сам становится одним из них. Его ждёт долгий и тернистый путь в попытках разгадать тайну возникновения ЧЗО. Был ли это всего лишь взрыв атомной электростанции, или нечто совершенно иное? Нечто потустороннее, и куда более пугающее, чем любое из порождений Зоны...

© Осинцев Р., 2023

© Автор, 2023

Руслан Осинцев

СТАЛКЕР. Тропами Призраков

Боль в плече почти утихла, лишь изредка напоминая о себе, когда Роман поправлял ляжки сползающего походного рюкзака. После жесткого удара о землю большие беспокоили ноги, отдавая тупой болью после каждого шага. Роман зло улыбнулся, вспомнив украинский шлягер. «Ой, не буду горюват, буду танцюваты».

Да... дотанцевался...

Обойдя очередную кучу ломаного кирпича и прикинув расстояние до следующего дома, решил передохнуть. Отдыхом это можно было назвать с большой натяжкой, облупленный ржавый почтовый ящик с советским гербом в качестве сидения и кусок кирпичной кладки для опоры спины вполне удовлетворили его теперешние запросы в плане комфорта. Достав помятую сигарету из полупустой пачки с непонятным названием на корейском, Роман не торопиво закурил, стараясь насладиться первой затяжкой. Табак был влажным и противно першил в горле, но Роман этому значения не придавал. Он снова и снова перебирал в памяти события ещё не такого далекого прошлого, благодаря которым он оказался здесь и сейчас.

Борька Корастелев, или проще Кора, всегда был немного чудаковатым, хотя может именно это обстоятельство его и выделяло из среды приятелей Романа, и впоследствии сделало их хорошими друзьями. Обо легкие на подъем, готовые ввязаться в любую сомнительную авантюру. Они частенько устраивали путешествия, куда любой другой здраво мыслящий человек ни за что бы не согласился отправиться, а потом до следующей поездки, в какой-нибудь забытый Богом и людьми край. При встречах смаковали моменты путешествий, где адреналин зашкаливал за все мыслимые пределы. Тематика путешествий была самая разная: скалы, заброшенные штольни, сплав по бешеным течениям горных рек, малоизвестные места сражений второй мировой с остатками страшных напоминаний в виде не взорвавшихся бомб и снарядов. Затем судьбы их развели по разным уголкам нашей большой России. Борис был неплохим художником реставратором и уехал из Москвы по приглашению в Псков, восстанавливать старинный храм, а Роман, дослужив свой контракт в вооруженных силах, вернулся из многоголосой столицы в свою родную деревню, затерянную в глухой сибирской тайге. Обзаведясь семействами, новыми приятелями и заботами каждого нового дня, они жили каждый своей жизнью, вспоминая о дружбе лишь в дежурных поздравлениях с очередным праздником или юбилеем. Минуло много лет, и лихие 90-ые давно сгинули под напором новых преобразований, заплутав в сетях всемирной паутины интернета. Времена писем и открыток практически канули в лето, отодвинутые всяческими сайтами. В отличии от консервативного Романа, Борис буквально жил в социальных сетях в поисках всего не обычного, тем самым, хоть как-то компенсируя себе отсутствие реальных путешествий. Все попытки приобщить друга к виртуальным мирам, не давали никакого результата, и лишь страничка в Одноклассниках, которую Роман посчитал единственной разумной, дала им возможность чаще общаться.

Роман, удовлетворенно хмыкнул и ещё раз осмотрел почищенную и хорошо смазанную винтовку «Сайга» и закрыл дверь оружейного сейфа.

– Надо бы почаще в лес выбираться, а то зарос салом, как бегемот... – с неприязнью глянул на появившийся живот, и вспомнил своего худощавого друга. – Борьке это не грозит у него порода гончая.

В комнату вошла жена.

– Рома, ты что-то сказал?

– Да нет... это я так, мысли в слух. Говорю, что надо с Борисом в нэте списаться... Давно не общались... – слукавил он.

Жена на слова Романа сконфуженно улыбнулась.

– Ну иди спишись, хакер, а я спать пойду. Поздно уже. Да, и не забудь поставить будильник, завтра вставать рано, так что долго не засиживайся.

– Угу, доброй ночи. – уже закрывая в комнату дверь ответил Роман.

Запущенный компьютер тихо заурчал, добавляя едва уловимый уют мягко освященной комнаты. Роман все ещё вспоминая сегодняшнюю охоту открыл свою страницу в Одноклассниках и был весьма удивлен. От друга «Коры», за сегодняшний день пришла целая куча сообщений: «Срочно со мной свяжись». Отправив обычное «Привет!» Роман тут же получил ответ. Судя по тексту, Борис был крайне взволнован, это Роман понял из сумбурно скомканных предложений, суть которых была толком не ясна. Одно лишь стало ясно, что Кора ввязался в очередную авантюру, а упоминание города Припять и вовсе насторожило, освежив в памяти поездку в это злополучное место. Роман, зная свой плохой навык скоропечатания решил воспользоваться старым добрым телефоном. После нескольких долгих гудков услышал знакомый голос.

– Старик привет! Ты куда запропастился? Тут такое дело намечается... а ты там с медведями в лесу вальсируешь. Короче давай придумывай что угодно, и срочно приезжай, нет... лучше прилетай в Москву. У нас, появилась замечательная возможность молодость вспомнить и смотаться в Припять.

– Боря! Это у ежика короче, и возможно у тебя, прекращай тараторить, и четко, а главное внятно объясни, что ты за хрень затеял?

В телефонной трубке повисла не долгая пауза.

– Лис...! Ну ты вообще в своих елках кедрях заблудился... Это же поездка в Припять... – многозначительно подытожил Борис.

Роман, хорошо зная своего импульсивного друга, лаконично подметил:

– Вот именно что в Припять... Насколько я помню в прошлый наш с тобой туда визит, уважаемый господин Корастелев... нас доблестные сотрудники внутренних войск чуть не пристрелили, приняв за мородёров, и твою задницу мне пришлось на себе тащить почти шесть верст, пока из Зоны не выбрались. Или я что-то напутал?

Борис некоторое время молчал, видимо обдумывая услышанное.

– Ну Ромка скажешь тоже... Мог бы и не тащить сам потихонечку доковылял.

– Да уж доковылял... – беззлобно проворчал Роман.

Угадав настроение друга, Борис заметно повеселел...

– Ромка... не будь таким фаталистом. Это тогда при царе горохе такое было, теперь там все по-другому. В Припять можно совершенно официально съездить. К тому же поездка будет оплачена. Нам и надо-то всего... сопроводить группу до Припяти и показать интересные места, где мы с тобой шарились. Вот и прикинь... поездка дармовая, плюс не большенький меркантильный интерес в евро выражении...

Душа авантюриста и бродяги уже паковала чемоданы, но конкретный, основательный разум Романа, привыкшего за последние годы принимать только хорошо взвешенные и продуманные решения, тормозил его сразу ответить да. Смушала не сама поездка в Припять, а её причина, но все же первая половина его сущности взяла верх. Решение было принято, и лишь для успокоения собственных сомнений Роман поинтересовался...

– Скататься в легендарную Припять, конечно, не вопрос, мне очень хочется... но только я в толк взять не могу, за какие такие заслуги перед отечеством вся эта манна небесная? И почему бы твоим приятелям, которые решили устроить весь этот ля-фестиваль не нанять гида прямо на месте? К тому же, если ты в курсе, у нас с самостийной в последнее время как-то не заладилось, а ты у нас Москаль, можно сказать, с родословной...

Борис гоготнул в трубку...

– Это у твоей страшной псины алабая Шурика родословная, а у меня старинные Московские корни.

– Вот я тебе и говорю о тех самых кореньях... В твоей заднице будут корни расти от деревьев, которые над тобой братья наши хохлы посадят, после того как завалят...

– Нет... такого с нами не случится, мой туповатый сибирский друг, мы Ромка поедем туда в качестве канадских специалистов разработчиков компьютерных игр... кстати с одноименным названием СТАЛКЕР, а к канадцам, у которых пол страны на украинском балакает, вопросов там не возникнет, тем более что все это мероприятие будет хорошо подмазано совсем даже не салом...

– Ну, а мы тут причем...? – не сдавался Роман.

– В том-то и дело, что очень даже причем. Они уже туда ездили, и там встречались с каким-то дедом Саватеем. Что-то им от него было сильно надо, а этот дед, который Саватей, сказал им что-только ты, Роман Лисицын, сможешь их какой-то старой тропой по Зоне Отчуждения провести... Только вот я Ромка не пойму, о каком они Саватее и какой тропе мне говорят? Может это какие-то твои старые дела армейские?

Роман был сильно удивлен...

– Не было у меня там никаких дел армейских... В армию я, если помнишь, позже попал. В 1986 году, когда в Припяти рвануло, я только начинал на девчонок засматриваться и двойки в школе получал... а Саватей, это дед, к которому я тебя с простреленной ляжкой притащил. Он отказался эвакуироваться и остался жить в деревушке на окраине Зоны. Не знаю, чем я ему так понравился, но он нам тогда здорово помог. Ты без сознания был... так вот этот дед каким-то образом у тебя болевой шок снять умудрился. Станным он мне показался, всю ночь, пока мы с ним его настойку на травках пили, он всякую чушь про Зону рассказывал, и эту татуировку СТАЛКЕР он на моем плече состряпал, мне тебе потом об этом стыдно признаться было вот и соврал что в салоне наколол...

Роман вспомнил сутулую фигуру старика с длинной давно нечесаной бородой, и глазами, чистыми как у ребенка, который ещё не познал всей грязи окружающего мира. Уходя Роман оставил все съестные припасы старику, и тот в благодарность взялся проводить горе туристов до окраины Зоны, и уже прощаясь крикнул Роману в след: «Ты уже часть Зоны, Сталкер Лис...».

Вспомнив все это Роману стало как-то не по себе. Из оцепенения его вывел Борис.

– Ну, Ромка, прямо какая-то шпионская история получается...

– Это ладно... тут мы разберемся... – сказал Роман. – На тебя как эти загадочные канадцы сумели выход найти?

– Я тебе уже говорил, что в компьютерном мире существует целое сообщество любителей игры СТАЛКЕР, ну и все такое, форумы по этому поводу всякие... В общем на одном из таких обсуждений со мной эти товарищи и познакомились... Я там про наше приключение рассказал...

– Ну и?

– Что ну и... приукрасил конечно слегка, можно сказать совсем чуть-чуть, а спустя месяц меня эти разработчики игры и нашли, а дальше ты в курсе. Так что, ты прилетишь или как?

Вся эта история настолько заинтриговала Романа, что отказаться от поездки он просто не мог.словно какой-то невидимый тумблер включил в нем непреодолимое желание, ещё раз приехать в место, о котором он уже почти забыл. Дав Борису согласие, он хаотично стал обдумывать как это все преподнесет своей жене, но так ничего и не придумав отправился в постель и, уже засыпая, словно услышал голос старика.

– Ты уже часть Зоны СТАЛКЕР...

И провалился в сон без сновидений. Утро следующего дня выдалось пасмурным, как, впрочем, и настроение у Романа. Он долго не мог придумать как объяснит жене свою поездку. Финансовое положение в семье Лисицыных было не очень благополучным, и даже рачительное отношение жены к их семейному бюджету, учитывая его военную пенсию и ведение личного

подсобного хозяйства, не могло позволить им роскошь путешествовать. С этими невеселыми мыслями Роман допивал уже остывший кофе, под рассказ жены о каком-то курьезном случае произошедшем с их соседями. Роман рассеяно кивал, пытаясь создать вид заинтересованного слушателя, но в конце концов, Елена, так звали его жену, поняла, что разговор ему неинтересен, и с обиженным видом стала молча собирать посуду. Потом наклонилась над столом, внимательно посмотрев Роману в глаза и прямо спросила:

– Рома! Что с тобой произошло? Ты сегодня сам не свой, случилось что?

Врать жене Роман не любил, да и не хотел... поэтому рассказал ей весь вчерашний разговор с Борисом и уже был готов услышать упреки в свой адрес, но, к его удивлению, все произошло наоборот.

– Ну что... – лаконично подытожила услышанное Елена. – Все ваши с Борькой чудачества мне непонятны и неинтересны, но раз за вашу поездку вам как ты говоришь готовы заплатить, то я в общем-то ни чего против не имею. А овощи и картошку с огорода собрать мне мои родственники помогут. Ром, а ехать когда?!

Аэропорт Домодедово кипел своей обыденной суетой. Сообщения о прибытии и регистрации переплетались многоголосой какофонией пребывающих и улетающих гостей столицы. Творящаяся вокруг суета вызывала у привыкшего к таежной тишине Романа состояние дискомфорта, то и дело натываясь на спешащих мимо него людей, пробившись через толпу встречающих он поторопился покинуть здание аэровокзала.

Сознание вернулось вместе с острой головной болью. Он лежал в подъездном проеме на куче битого кирпича. Роман, никак не мог сообразить, как его угораздило очутиться в этом месте. Он был уверен, что ещё мгновение назад зашел в избу старика, и даже успел разглядеть вышитый замысловатый узор на старинной холщевой рубахе, и лицо хозяина с лукавой усмешкой, смотрящего на него в упор. Уже падая куда-то в липкую тьму, услышал голос: «А я тебе милочка говорил, что ты вернешься сюда домой... Сталкер».

В угасающем сознании, Роман увидел лес, раскрашенный яркой желто-красной палитрой позднего тёплого сентября, свой дом и жену, стоящую у крыльца с корзиной в руках, полной только что собранных яблок.

– Причем здесь яблоки... да и не растут они у нас. Бред какой-то... – и окончательно провалился в забытие.

Очередной приступ боли словно шилом пронзил затылок. Роман рефлекторно приложил к голове руку нащупав большую ссадину с уже подсохшей кровью.

– Ну, если болит, значит я ещё живой. У мертвых голова болеть не должна. Хотя был у нас один генерал... он говорил, что голова – это кость, а кость болеть не может... во как... а моя, простите меня грешного, болит конкретно, значит помимо кости в ней ещё что-то есть, а потому, старлей, давай этим чем-то думать, как мы здесь оказались.

Роман ещё раз попытался сложить пазлы последних событий хоть в какую-то более или менее ясную картину, но, поняв всю тщетность данного предприятия, решил следовать по наитию. Прежде всего он проверил свою физическую целостность, и, убедившись, что кроме ссадины на голове никакого урона не понес, решил осмотреть свое снаряжение. К его большому разочарованию, рюкзак с припасами, медикаментами и всем остальным что так основательно собирал в дорогу бесследно исчез. Единственная полезная вещь, которая сохранилась у Романа это его старый боевой нож спецназовца, в рукояти которого находился комплект для выживания. Полторы пачки сигарет и бензиновая зажигалка обнаружилась в довершение осмотра.

– И на этом спасибо, люди добрые... – саркастически подумал Роман прикуривая сигарету.

Визуальный осмотр места, где он с чьей-то легкой руки оказался ничем его не удивил, но что-то в развалинах этого дома настораживало. Не двигаясь с места, он более внимательно осмотрелся, и то, что он разглядел в этот раз показалось действительно странным. В соседнем

углу подъезда, арматура, служившая когда-то усиливающей основой фундамента, не торчала, как это бывает во время обрушения здания, а была скручена в толстую косичку... и кирпичная кладка, странно преломляясь из горизонтального состояния, уходила вертикально к потолку. Было ощущение словно ребенок великана здесь не удачно поиграл в кубики. В противоположном углу, в легкой дымке кружились маленькие осколки кирпича и стекла. ещё больше Роман был удивлен, разглядев в стенном проеме часть квартиры. Это было, пожалуй, самое странное из всего увиденного. Начищенный до блеска паркет гостиной покрывал белоснежный, с большим ворсом ковер. Маятник старинных настенных часов исправно проделывал свой ход из стороны в сторону. Рядом с часами из горшков в стиле макраме, свисали листья живых цветов, придавая ещё больший уют комнате. Роман уже хотел пробраться в стенной пролом чтобы более тщательно ознакомиться с этой Бог весть как сохранившейся квартирой, как вдруг услышал приближающиеся к дому голоса. Отложив осмотр на потом, он поспешил к выходу из подъезда, но в последний момент решил немного задержаться в тени здания. Опыт войны в условиях города научил его... прежде осмотришься, потом действуй. По мере приближения голоса становились всё громче и Роман уже отчетливо слышал слова. Говоривших было трое. Явно, что между этой троицей намечалась ссора. Обращаясь к одному, из своих товарищей кто-то, по кличке Михай, злобно ворчал.

– Ты, Штуцер, козлина... всю делюгу сегодня просрал. Решили с Рябым два урода хабар себе прикарманить. Ну и че... прикарманили... РяБого долговцы пригондошили и тебя, тля, как буратину вытрисли. ещё вопрос... почему тебе пулю в морду не пустили? Это мы у Тараса распедалим.

Тот, кого звали Штуцер пытался слабо оправдываться.

– Михай... а я че сделать мог... Эти козлы долговские как по щучьему велению появились. Рябой даже волыну поднять не успел, как в нем дыр насверлили, что у бабушки в дрюшляке.

– А у тебя че, волыны не было, дрищ обозный? – Михай не унимался.

– Да я волыну у стенки оставил, а сам по нужде пошел, тут весь этот кипиш и произошел, а из сортирной бумаги квад долговцев не положишь.

– Во-во. – вмешался в разговор третий.

– Ты, Штуцер, у нас только в трех вещах силен... жрать, срать и по кустам ныкаться, а потому хайло свое закрой до времени. Тарасу свои говорилки говорить будешь, да только врятли он тебя слушать станет. Этот хабар, что вы с Рябым похерили, Тарас этому старому чумаходу Сидоровичу торчал, а теперь из-за тебя, сученок, он перед Сидором вроде как в косяках. Вот и думай своей думалкой ватной, какой спрос тебя ждет.

Так, споря между собой, они почти прошли мимо подъезда, в котором стоял Роман, но он, решив, что большой опасности эта приклатненная шпана ему не представляет, вышел из тени здания окрикнув проходящих.

– Эй... мужики, стойте.

Реакция в значительной степени была странной. Идущие мгновенно бросились на землю, и со знанием дела, раскатились друг от друга, заняв оборонительную позицию за ломанными плитами перекрытиями, которых возле разрушенного дома было более чем достаточно. Последовала долгая пауза, прежде чем один из укрывшихся крикнул.

– Мужики землю пашут и в лагерях сидят... понял, нет? Ты сам-то чей будешь?

– Да я так... никто... просто человек прохожий, узнать дорогу хотел. – Роман тоже на всякий случай зашел в подъезд.

После минутного молчания тот же голос крикнул:

– Слышишь... ты, человек прохожий... Если че спросить хотел, то че тады шкеришься. Выползай под небо, да грабки подыми, мало ли че у тебя там заныкано, вот тогда и побазарим за жизнь нашу брентную.

Роман выходить не спешил.

– Уважаемые... а вы-то к чему мордами в землю попадали?

– А я вот сейчас пару гранат в твой подъезд кину, и погляжу, куда ты мордой упадешь. – тот же голос ему зло ответил.

Роман, понимая, что ситуация для него складывается патовая и внимание привлек он к себе сам. ещё немного постояв, вышел на улицу и, продемонстрировав пустые руки, направился в сторону ломаных плит. Пройдя почти пятьдесят метров, он так и не сумел обнаружить место расположения укрывшихся людей, хотя был полностью уверен, что двигается в правильном направлении, подметив про себя, что навыки маскировки у них на высоте, а толк в этом бывший спецназовец знал очень неплохо. Пройдя ещё десяток метров Роман остановился.

– Ну что, люди добрые, так и будем прятаться? – в нескольких метрах от него поднялся человек, именно тот с которым он разговаривал.

– Ты добрых людей в кине с заднего ряда позыришь. – гоготнул он, и многозначительно передернул затвор старенького обшарпанного АКСу.

– Лимузин, Штуцер, обшмонайте это тело. – указывая стволом в сторону Романа сказал Михай.

Парочка подошедших к Роману бандитов полностью соответствовала своим кличкам. Штуцер – маленький худощавый паренек лет двадцати с небольшими, бегающими, как у испуганной собачонки глазами, словно извиняясь посмотрел на Романа.

– Ты это... дяденька, руки подыми повыше, а то всякое бывает... – после чего шустро извлек содержимое из карманов Романа, и даже как-то бережно передал все Михаю. Полная противоположность грязному, в засаленных спортивных штанах Штуцеру, перед Романом вышлся бандит Лимузин. Ростом он был не менее двух метров, да и в плечах матушка природа его не обидела. Длинный кожаный плащ с зашитыми дырами выглядел на нём с неким шиком. Такой же старенький, повидавший виды АКСу как у Михая в его руках смотрелся словно детская игрушка. Больше достоинств в Лимузине Роман не нашел. Тупой невыразительный взгляд говорил о его интеллекте ниже среднего.

– Да и к чему он ему... – рассудил про себя Роман.

Михай с нескрываемым интересом разглядывал отобранный у Романа нож.

– Сышишь, Лимузин! Видал какие теперь у туристов ножички, а наш турист не жадный... взял, да Михаю подарил... молодца. – наконец наигравшись с новой игрушкой словно между прочим спросил. – Сышишь, турист! Ты ваще кокого роду племени, хотя можешь не говорить я сам угадаю... – Михай деланно наморщил лоб.

Все происходящее Романа начало порядком злить, но он, не подавая вида, спокойным голосом сказал:

– Давай, удиви меня своими дедуктивными способностями.

Михай с видом бывалого знатока осмотрел Романа.

– Удивлять, турист, тебя особо нечем... тут и так все ясно. Ты не долговец, это факт. Те козлы ваще по человечьи базарить не умеют, и будь ты долговцем, к нам приштыриваться не стал. Не свободовец... эти пряники и укурыши по одному не ходят, да и до базы их долековато. Снаряги у тебя нет даже мало мальской... значит, ты не одиночка и не наемник... отсюда складывается вывод, что ты и есть обыкновенный турист... а Зона... – продолжал многозначительно цитировать Михай. – она таких вот как ты, туристов, не любит, и нам тут туристы тоже не нравятся... а потому шо они ходят тут и гадят... а для того, шоб они тут не гадили нам – братве приходится их подчищать.

Сказав последнюю фразу Михай кивнул смотрящему на него Лимузину. Из всего сказанного Михаем Роман почти ничего не понял, ясно было одно – что попал он в очень скверную историю, с кучей иксов, и как решать эту задачу пока не известно, одно было очевидно, по городу бродят группы вооруженных мародеров.

– Куда только власти этой самостийной смотрят! Ну, как говорится, Богу Богово, а кесарю кесарево сечение. Надо как-то из этого дерьма выбираться.

Размышления Романа были прерваны грубым рывком за рукав. Что Лимузин хотел ему сказать так никто и не узнал. Роман, в котором проснулись дремавшие долгие годы навыки бойца спецназа, действовал на уровне рефлексов. Короткий, но очень жесткий удар ребром ладони в горло и последующий кулаком в висок сделали свое дело. Падающий бандит не произвольно нажал на спусковой крючок АКСу, разрядив дюжину пуль в стоящего рядом Михая. Штуцер, которому чудом повезло не поймать пулю начал пятиться назад, но запнувшись о кучу кирпича повалился на спину, и, закрыв лицо руками, плаксиво закричал.

– Ой, дяденька, не убивай меня... не надо... я для тебя всё, что хочешь сделаю.

Роман, только теперь полностью осознав, что-только что произошло, на какое-то мгновение впал в состояние ступора. В себя его привели очередные вопли Штуцера.

– Дяденька! Не убивай меня... я тебя очень прошу... я ведь в бандитах всего как два месяца, меня отмычкой сюда притащили. Сами-то они того... а меня эти уроды к себе подтянули. Я ведь никого не убивал и не грабил... – подвывал Штуцер размазывая рукой слёзы по грязным щекам. Роман склонился над телом Михая и подобрал автомат. В открытых глазах мертвеца застыло удивление, он видимо даже не понял, что с ним произошло.

– Да не скули ты, говнюк, нужен ты мне как зайцу весла. Ты мне лучше объясни, что за хрень тут творится... иди сюда, кому говорю... – прикрикнул Роман.

Штуцер, всё ещё не веря в свое счастливое помилование, попытался отползти назад.

– Иди, не бойся, не трону я тебя. – позвал Роман, надевая разгрузочный жилет ныне покойного Михая. Жилет был хороший, натовский, и упакован по полной. Несколько гранат Ф-1, два полных автоматных рожка и, перекочевавший к Михая, нож Романа.

– Ну блин Рэмбо, да и только... едрёна батона. – с удовольствием подумал он. Всё ещё хлюпяя носом, к Роману подошёл Штуцер.

– Ты, дяденька, меня правда не застрелишь?

– Застрелю... если ещё раз спросишь... а теперь давай, собирай пожитки своих сотоварищей, и пошли вон в тот подъезд, гроза, кажется, сильная намечается.

Штуцер посмотрел на небо и прикусил губу.

– Дяденька, вы правда не отсюда? Это не дождь, а выброс приближается. Мы с братвой как раз в подвале этого дома зашкериться планировали, там схрон есть... а тут вы попались...

Роман, опять ничего не поняв из слов Штуцера, спорить не стал, решив выяснить всё позже. На улице творилось действительно что-то необычное. Ветер абсолютно стих. Пропали все посторонние шумы. Всё словно замерло в ожидании чего-то неотвратимого и страшного. Роман почувствовал, что сам воздух стал тяжелым, пропитанным невидимыми электрическими нитями, и предметы вокруг, словно оголили все острые грани, в ожидании неминуемого. В дали, по темному бурому небу, заплясали разряды молний. Пока Роман наблюдал все эти изменения, Штуцер собрал вещи убитых бандитов и походил теперь на шерпа из Гималаев, с той только разницей, что у шерпов не висит на животе автомат.

– Вот чёрт, как я так лопухнулся... – напрягся Роман, но понял, что Штуцер не намерен стрелять, и больше боится не его, а то, что сейчас должно произойти.

– Что стоим флибустьер... шевели ногами, а то точно попадем под твой выброс.

Второй раз Штуцеру говорить не пришлось, он с завидной быстротой двинулся в сторону подъезда, волоча на себе приличный вес снаряжения Михая и Лимузина. Роман шёл чуть поодаль, контролируя Штуцера и улицу автоматным стволом. Войдя в подъезд, Штуцер остановился, скинул рюкзак и начал что-то в нем искать. Роман не стал интересоваться, что он пытается из него выудить и просто присел рядом. Наконец, с довольной улыбкой на лице, Штуцер, достал из рюкзака небольшой брезентовый мешок и, развязав его, высыпал на выцветшую облупленную плитку подъездного пола кучу болтов.

– Дяденька... ты бери себе тоже, тут их много... – и начал распихивать болты по карманам. Уже ничему не удивляясь Роман последовал его примеру и сунул жменю болтов в один из своих многочисленных карманов разгрузки.

– Что теперь прятать будем... гаечные ключи, домкраты, монтировки? Ладно, потом разберемся что к чему, пошли уже в твой схрон. – Роман поднялся и уже собрался идти в глубь подъездного проема, когда Штуцер поймал его за ногу...

– Ты, дяденька, вроде нормальный, а творишь что попало. Здесь Зона... а по ней как по бульвару не гуляют, или тебе реально наложить большую кучу на свою жизнь и мою, кстати, тоже.

Роман вырвал удерживаемую ногу...

– Это тебе на свою жизнь плевать... придурок хренов. И товарищи твои такие же придурки, возомнили себя Бог знает кем... Порядки, клички... детский сад какой-то. Кстати, что за кличка такая дебильная – Штуцер, ничего приличней не нашлось? Тебя в нормальной жизни зовут-то как?

– Шурик меня зовут... в смысле, Александр Штуциренко, а кличку Штуцер мне пацаны, с которыми в Зону пришел дали. Тут, дяденька, по именам друг друга называть не принято. Я когда к бандитам попал... – лицо Штуцера помрачнело.

– Ладно, Саня Штуциренко, потом сам, если захочешь, расскажешь. – примирительно похлопав по плечу парня сказал Роман. – Теперь объясни, зачем болты? – давно не слышавший своего имени, Саня оживился.

– Да как зачем, чтобы путь проवेशивать.

– В смысле проवेशивать? – не понял Роман.

С видом бывшего знатока Штуцер начал объяснять.

– Без болтов, дяденька, в Зоне хана, тут кругом аномалии. – на ещё незаданный вопрос Штуцер протестующе поднял руку. – Не перебивай, дяденька, а то не поймешь. Вот смотри... видишь в дальнем правом углу кирпичи летают?

Роман, этот странный круговорот кирпичных осколков заметил ещё в начале своего пребывания в Зоне.

– Это аномалия. – продолжил Штуцер – называется она карусель, только она ещё слабая, но попадать в неё тоже не советую, вот смотри... – парень подобрал оторванный почтовый ящик и бросил в центр плавающих осколков. Зрелище было ещё то... Ящик на мгновение завис, затем начал вращаться, сначала медленно затем всё больше и больше ускоряясь. Спустя несколько секунд вращение достигло огромной скорости, и ящик разорвало на тысячи мелких осколков, разбросав их во все стороны. Несколько из них, выбив кирпичную крошку, ударили в стену над головой Романа плотно в ней застряв. Саня, довольный своей демонстрацией, в качестве благодарности получил звонкий подзатыльник.

– Штуцер, твою-то мать... мы из-за тебя только что чуть не погибли.

Саня, не обратив особого внимания на полученную оплеуху, взял в руку болт и кинул его в выбитую дверь одной из квартир. Тот, с глухим стуком, ударившись о стену, упал на пол.

– Теперь пошли, – буркнул Штуцер. Роман вспомнил о хорошо сохранившейся квартире, которую он видел в проломе одной из стен подъезда.

– Слушай, Шурик, я тут присмотрел одну квартирку... абсолютно целую... даже мебель в ней осталась, может в ней твой выброс переждем. – Штуцер невесело улыбнулся.

– Ты, дяденька, о квартире, которая слева от нас? Часы там большие висят и тикают, да?

– Ну да. – удивился осведомленностью Роман. – Это же лучше, чем по каким-то подвалам лазить.

– Туда нельзя, это квартира Люси, и нет там ничего... не часов, ни ковров... одна только смерть.

– Какой ещё Люси? – не понял Роман.

– Люся – это контролер... только старый уже, потому из своего логова не выходит, сидит и ловит таких, дяденька, как ты.

– Это каких таких? Я что, безбилетник какой. – совсем запутался Роман. Штуцер почесал затылок.

– Пойдем я тебе покажу... только по башке меня больше не бей.

Подойдя к пролому, Роман снова почувствовал головную боль, в том месте, где у него была ссадина, но особого значения этому обстоятельству не придал. Заглянув за угол пролома, Роман не заметил никаких изменений. Перед глазами сиял всё тот же начищенный до блеска паркет, и часы на стене всё так же исправно отбивали свои секунды.

– Ну вот... – показывая рукой Штуцеру сказал Роман. – Видишь, как я тебе и говорил... Штуцер отстранил его в сторону.

– Подожди, дяденька, сейчас увидишь красоту... – наклонившись к проему крикнул. – Люся... сука... будешь к нам в голову лезть, я твой гадюшник вместе с тобой гранатами закидаю.

В соседней от гостиной комнате послышалось движение. Голову Романа резанула острая боль, видимо Штуцеру досталось не меньше, он побледнел и стал оседать на пол. Новая вспышка боли ударила в затылок с ещё большей силой. Роман, уже почти теряя сознание, всё же успел выполнить обещание Штуцера. Ему казалось, что время словно растянулось, и чека едва ползет из гранаты. Приложив неимоверное усилие, Роман сделал бросок.словно не по воздуху, а в киселе, Ф-1 проплыла в комнату, из которой он слышал шаги. С грохотом взрыва головная боль исчезла, словно её никогда и не было оставив место слабости. Роман, облокотившись на стену присел на корточки.

– Ну что Санек ты в норме? – Штуцер ошалело помотал головой.

– Пока вроде в норме... а Люсю что, того?

Поднимаясь на ноги Роман передернул затвор автомата.

– А вот это... мы с тобой, гражданин Саня Штуцер, сейчас и выясним.

Люся, или, вернее сказать, то существо, которое так окрестил Штуцер, выглядело как самый жуткий, омерзительный кошмар из фильмов ужасов, когда-либо виденных Романом. Обрюзглое в струпьях тело венчала непропорционально большая голова с огромными навывкат глазами. Тело замотано в импровизированное сари из сгнившей тюли, лохмотья которой свисали с сорванного взрывом карниза. Люся, ещё раз дернув почти оторванной кистью руки, затихла, уставившись своими блюдцами глаз на Романа. Квартира, которая ещё совсем недавно выглядела словно после генеральной уборки, приняла свой настоящий вид. Запустение давно брошенного жилья смешивалось с запахом плесени и гнилью разложившихся останков тел, разбросанных вместе, с не представляющими интерес для Люси, личными вещами и снаряжением горемык, угодивших в это ужасное место. Штуцера, вошедшего в квартиру вслед за Романом, от всех этих колоритных видов и запахов, вырвало. Роман, побывавший на войне, и не раз видевший подобное, спокойно отнёсся к тому, что ему пришлось лицезреть.

– Ладно, Саня... мы тут потом всё как следует осмотрим, теперь показывай свой схрон, пока не начался, как ты говоришь, выброс...

И тут началось. Предвестником выброса словно гул множества орудий загредел гром. Полуразрушенное здание качнуло. Штуцер, с перепуганными навывкат глазами что-то кричал, яростно жестикулируя руками, но сквозь грохот громовых раскатов речь его было не разобрать. Он поспешил в подъезд, и Роману ничего другого не оставалось, как последовать за ним. Пройдя хитрыми зигзагами ещё одну квартиру, Штуцер остановился возле одной из многочисленных куч хлама, служившей когда-то, видимо, добротной и модной в те времена мебелью. Откинув очередную сгнившую дверь шкафа, Роман заметил хорошо подогнанный к полу люк. Штуцер, выудил из нагрудного кармана ключ, и, немного повозившись, отпёр внутренний замок. Сам люк, оказался довольно тяжёлым, изготовленным из металла и обклеенным паркет-

ной доской, закреплённым на мощных стальных навесах. По удобной деревянной лестнице они быстро спустились в подвал, плотно закрыв за собой вход, заблокировав его большим задвижным засовом. Едва успев всё это сделать, они услышали серию новых раскатов, более мощных, чем предыдущие. Стены подвала заходили ходуном, отчего с потолка одного из углов помещения осыпалась штукатурка.

– Дяденька... зажигалку дай... У тебя есть, я видел. – уже спокойным голосом попросил Штуцер. Роман, в кромешной тьме на ощупь передал зажигалку.

– Правильно, Саня, я тоже покурить не против.

Несколько раз чиркнув, Штуцер зажёл огонь и, протянув свободную руку, достал с полки керосиновый светильник «летучая мышь», привычным движением поджег фитиль, и вернул зажигалку Роману.

– Ну вот теперь светло... а вообще я не курю... вредно это... а ты, дяденька, покури, потому что скоро начнется.

Это «скоро», началось раньше, чем Роман успел докурить. Его словно парализовало нестерпимой болью. Удар следовал за ударом, пол и стены вибрировали словно резиновые. Тело и мозг сотрясали те же вибрации, вызывая все самые болезненные физические ощущения, которые только могут быть. Казалось, что эта пытка не закончится никогда, но все кончилось так же резко, как и началось, оставив Роману тошноту и слабость. Штуцер, не смотря на свой хлипкий вид, выглядел гораздо бодрее, и уже колдовал у примуса, заваривая чай.

– Я дяденька, чё говорю... Михай, конечно, сволочь та ещё был, но чай пил только заварной, вот его заначку мы сейчас и заварим. – и, помолчав немного, добавил. – Ему всё равно уже не надо.

Взяв в руки горячую, эмалированную кружку, и сделав несколько глотков бодрящего напитка, Роман, сказал:

– Ты, Саня, прекращай меня дяденькой величать, звучит от тебя это как-то не к месту паршиво. Роман меня зовут... лады? – и пристально посмотрел на парня.

– Нет, дяденька, в Зоне так нельзя... имя твоё там, за пределами осталось, а здесь всё по-другому. Зная твоё настоящее имя, Зона тебя никогда непустит за периметр...

– Во как всё страшно... Позволь спросить, откуда у тебя такие познания образовались?

Штуцер нахмурился.

– От верблюда... говорят нельзя, значит нельзя. Михай мне об этом рассказывал. Вот ответь мне, дяденька, ты много таких как Люся видел? Или выбросов... там за пределами Зоны? То-то... а тут ещё столько всякой пакости бегают, даже думать жутко. Если я раньше знал бы всё это, никогда бы сюда не потащился, сидел бы в своей осперантуре на физ-мате... – закончил Штуцер.

– У тебя, Саня, слишком много всяких разных «бы»... если бы, да кабы, сам-то что в Зону попёрся, романтики захотелось?

Штуцер, что-то вспомнив, сразу как-то сник.

– Не было у меня никакой романтики. Мама у меня сильно болеет. Лечение очень дорогое, а где мне, студенту, такие деньжищи взять, а приятели мои, Лёха с Фимой, сказали, что они в Зону собираются, денег на артефактах подзаработать, я сними и напросился, взял академический и сюда.

Роман поставил на стол опустевшую кружку.

– Ну и где твои друзья-приятели?

Штуцер проглотил подступивший к горлу ком.

– Они там, у Люси лежат. Мы тоже эту долбаную квартиру с цветочками на стенах нашли, решили в ней переночевать, а дальше ты сам всё видел.

– Да, не повезло парням... – вспомнив увиденное, подумал Роман. – А ты как к этой Люсе в гости не попал?

– Повезло мне просто. Я шаги в подъезде услышал и решил посмотреть... вот с пацанами в квартиру и не зашёл, а там такое началось... я им помочь хотел, да только Михай меня схватил, они в этот схрон ночевать шли, так вот я в бандюках и оказался. Два месяца у этих козлов вместо отмычки по Зоне топал, ну а тут ты их...

У Романа перед глазами пробежали события прошедшего дня, из которых он мог понять лишь то, что ему смог объяснить перепуганный студент. Ответов на свои вопросы он не нашёл, а приобрёл ещё больше. Размышления Романа прервал Штуцер.

– Выпить хотите? Тут водка есть... – и, не дожидаясь ответа, прошёл в дальний угол подвала, достав из стоящего на полу ящика две бутылки пшеничной водки. – Михай её очень берёт... говорил, что она старинная, ещё со времён советского союза. Больше пол века в этом погребе простояла... – и звонко ударив бутылку об бутылку поставил их на стол. – Ты дяденька наливай, а я закусить соображу... да и вообще, жрать охота.

Разогретая на спиртовке тушёнка и пахнувший неизвестно чем консервированный хлеб Роману показался самым вкусным кушаньем. Немного утолив голод, Роман налил по пол кружки водки.

– Давай, Саня, помянем твоих друзей. – водка, горячая еда и безопасное место, сделали своё дело. Разлив последнее по кружкам, Роман сказал. – Всё, Санька, хорош гулять... пора и честь знать. Спать будем.

Осоловевший от выпитого, Штуцер соглашаясь кивнул.

– А всё-таки, дяденька, надо тебе в Зоне имя взять... принято так, и вообще... ты какого рожна сюда припёрся?

Штуцер, смачно икнув, раскатил на грубо сколоченных нарах матрас, и бросив под голову рюкзак Михая с наслаждением растянулся на импровизированной кровати.

– Вот ты ответь мне, дяденька. – не унимался Штуцер. – со мной всё понятно... я сюда по глупости попал, а ты... это вопрос вопросов. О Зоне не знаешь ничего, просто ноль... – и продемонстрировал Роману пустую кружку.

Роман, тоже устроившись на аналогичном со Штуцером ложе, как бы между прочим подметил:

– Тут ты Саня прав, в Зоне этой вашей я полный ноль, но в отличии от отдельных боевых граждан, на побегушках у бандюков не бегал. – и, опережая не озвученные возмущения Штуцера, примирительно сказал. – Ладно, Саня, не обижайся. Оба мы попали. Я тоже друга послушал... Мы с ним в Припять в начале девяностых ездили, вот и решили молодость вспомнить, а теперь вот и друг пропал, и я попал... такой вот каламбур получается, и если ты говоришь, что в Зоне надо себе имя или, как у бандюков водится, погоняло придумать, то оно вроде как есть. В армии у меня позывной был, Лис, значит пусть и здесь Лисом буду.

Штуцер оживился.

– А почему Лис, хитрожёпый чёли?

– Дурак ты, Штуцер, одно слово чёли. – вздохнул Роман. – Просто чувствовал куда и когда нельзя лезть... поэтому двухсотых в моём взводе почти не было, вот отцы-командиры мне такой позывной и присвоили.

– А друг твой давно пропал?

Роман задумался.

– Даже не знаю... Я тут, Штуцер, вообще ничего понять не могу... монстры, выбросы, миражи... и время чёрт знает как идёт, ну а друг... видимо недавно, вот его искать и пошёл. Штуцер, слушай... – Но Штуцер, по-детски свернувшись калачиком на своём матрасе, уже сладко сопел.

– Вот и поговорили... – Роман ещё раз посмотрел на безмятежно спящего Саню и ощутил навалившуюся усталость. Убавив фитилём свет лампы, устроился на топчане, стоящем напротив такого же, стоящего через стол, на котором посапывал Штуцер, закрыл глаза и забылся

неспокойным сном. Пробуждение облегчения не принесло. Всё тело ныло, словно после хорошей драки, усугубляясь головной болью от ссадины и выпитой вечером водки. Оставшийся на столе, холодный, не допитый чай, Роману пришёлся как нельзя кстати. Роман, поднялся и легко похлопал плечо всё ещё спящего Штуцера.

– Просыпайся, студент алкоголик... разговор у меня к тебе, и куча вопросов.

Штуцер, тыльной стороной ладони протер лицо.

– Чё пихаешься, я уже проснулся... вопросов у него куча... Клал я на твою кучу, свою большую кучу, – пробурчал Штуцер.

– Вставай-вставай... не ворчи как старый дед – и максимально добавил освещение в светильнике.

Теперь, он мог более внимательно осмотреть их временное убежище. Помещение было большим, метров восемь в длину, и почти четыре в ширину, и имело ещё несколько ответвлений в комнаты поменьше. Бывший хозяин, видимо, заведовал винным складом или магазином, так как множество полок занимали коробки и ящики, судя по этикеткам, с алкоголем на любой вкус. Михай, завладевший по наследству этим сокровищем питейной души, или предпринимательства, тоже внёс свою лепту, и как в сказке про Аладина волок в свою пещеру любые, с его точки зрения Богатства, коими они, видимо, здесь и являлись. В углу громоздились несколько ящиков с сух-пайками, как отечественными, так и натовскими, несколько полок занимали мясные консервы и тушёнка, матово отсвечивая всевозможными надписями. Целая полка была занята медицинскими принадлежностями, от автоаптечек, до тревожных сумок врачей скорой помощи. В дальнем углу, под большим настилом, заваленным рюкзаками и коробками, стоял дизельный генератор, с выведенной в стену выхлопной трубой. В стенах помещения находилось несколько отверстий вентиляции, от чего в подвале воздух был сухим и чистым. Закончив осмотр, Роман взял с полки пару банок с мясными консервами и бутылку сухого вина.

– Ну вот... достойный завтрак туриста, – Подумал он. Штуцер, видимо тоже мучавшийся вчерашними вином изливаниями, с отрешённым видом всё ещё сидел на матрасе.

– Дяденька... извини. Лис! Тебя что, собаки во сне покусали, или тёща приснилась? Люди добрые спят ещё... тем более после такого жидкого ужина.

Роман рассмеялся и, подойдя к Штуцера, взъерошил ему волосы.

– Тебя, Саня, столько водки никто ужинать не заставлял, давай взбодрись. Мой рожу, потому как у тебя сейчас именно не лицо, а рожа. Позавтракаем, соберёмся, и будем выдвигаться. Движение, брат, это жизнь. Вот только кто это сказал я не помню.

Нехотя поднявшись, Штуцер, всё ещё ворча, прошёл к подвешенному баку с водой.

– Это там... в нормальной жизни движение это жизнь, а тут в Зоне лишнее движение это смерть. Это так, для справки, из путеводителя «Туризм по Зоне Отчуждения».

Пока Штуцер, громко фыркая, умывался, Роман вскрыл консервы и поставил их разогреваться на спиртовой горелке.

– Ты мне, Саня, ответь... откуда здесь, я имею в виду в подвале, такая манна небесная...

– В смысле? – не понял Штуцер.

Роман обвёл рукой помещение.

– В том смысле, откуда всё это изобилие образовалось?

Штуцер, вытирая мокрое лицо вафельным полотенцем, сел на топчан напротив Романа.

– Это Богачество Михай сюда натаскал. Не всё конечно, пошло тут до нас было, а жратву, медикаменты и снарягу там, где урвать смогли. Он часто в рейды ходил, ну и тербил... то одиночек, то туристов вроде тебя. Раз нарвался на раздербаненный мутантами конвой миротворцев, одному всё это барахло за месяц не перетаскать, вот он меня с Лимузином к этому делу и припахал. У Тараса, в смысле, у бугра нашего, он был в авторитете... потому как нет-нет, да подкинет ему пару бутылок коньячка хорошего, поэтому никто в его дела не лез.

Роман хмыкнул.

– Да уж, добытчик твою мать... а куда власти смотрят, если позволяют такому мародёрству процветать?

Штуцер сначала округлил глаза, а потом зашёлся громким хохотом, и, уже вытирая выступившие от долгого смеха слёзы, сказал:

– Ты, дяденька, точно, как Михай говорил... турист... Нет здесь никакой власти, у кого автомат круче тот и власть.

– Что-то я понять тебя не могу, – нахмурился Роман. – Как это власти нет? Есть же блокпосты, охраняющие и контролирующие Зону Отчуждения... я сам лично эти посты и военных на въезде видел. Приехали бы и разогнали весь этот гадюшник.

Штуцер, уже вдоволь насмеявшись, начал объяснять.

– Правильно, так раньше всё и было, до пятидесят седьмого года, а потом был сильный выброс и Зону словно куполом накрыло. В неё теперь попасть как-то можно, ты же ведь как-то попал... а вот выбраться никак. Так что с порядком тут проблема, а вояки и миротворцы наговские иногда заезжают, только не понятно как... Тут у них база, рядом с долговцами есть... но мало кто из них до этой базы добирается...

Роман, не мог поверить в то, что он только что услышал.

– Ты, Штуцер, случаем никакой травки не курнул? Какой большой выброс, какой пятьдесят седьмой год? А сейчас какой по-твоему?

– Так я тебе уже сказал... две тысячи пятьдесят седьмой от Рождества Христова... десятое июля. Почти три месяца от большого выброса прошло, непонятно, чему ты так удивлён?

Роман рассеяно посмотрел на кипящие консервы.

– Есть чему удивляться, я сюда приехал в две тысячи шестнадцатом году, десятого июля, и было это вчера. Никаких выбросов я не видел, и знать про них не знал, сейчас вот сижу и думаю, у кого из нас с головой не в порядке, у тебя или у меня.

Теперь время было удивляться Штуцеру, но он, не показывая вида, снял кипящие банки с плитки, поставил на стол, и, забрав сухое вино, ушёл к винным коробкам. Вернувшись назад, показал Роману большую бутылку коньяка.

– Эта штука для нас сейчас полезней будет... – и откупорив бутылку, почти до краёв наполнил кружки. – Я слышал про таких как ты... вас в Зоне хранителями зовут, иногда призраками.

– Хранителями чего? – не понял Роман.

Штуцер пожал плечами.

– Хранителями всего... Зоны, времени, и всего, что здесь происходит. Так что Люся тебя не стала бы трогать... Только странный ты какой-то хранитель... если ты, конечно, он. Ни Зоны не знаешь, ни её обитателей, ни аномалий... вообще ничего... да и хрен с ним, давай выпьем, а то голова после нашей беседы и вчерашнего просто раскалывается.

Роман, нехотя, поддержал Штуцера, и, отпив глоток, поставил кружку на стол.

– Саня! Напиться коньяка, мы с тобой, конечно, можем, что потом обязательно и сделаем. Теперь, если ты не против, давай перекусим, и ты мне попытаешься объяснить, что здесь всё-таки происходит.

Штуцер утвердительно кивнул.

– Никогда понять не мог... что в нём люди такого хорошего нашли, поило как поило, ещё и клопами воняет, – но оставшийся в своей кружке коньяк всё-таки допил, и зачерпнув хлебом из банки кусок мяса с удовольствием закусил. – Спрашивай, что тебя интересует...

Закурив сигарету, Роман поудобней устроился на своём топчане.

– Санька, тебе коньяк не нравится знаешь почему? – и сам же ответил. – Его не пьют залпом из армейских кружек, и не закусывают тушёнкой, это так, вообще... а интересует меня буквально всё, что ты мне можешь рассказать о Зоне, которую ты знаешь.

– Ну ты, дяденька, спросил... Тут и за два дня не расскажешь. – и потянулся рукой к бутылке.

Заметив это Роман отставил её в сторону и показал Штуцеру дулю...

– Саня, давай пока с невкусным коньяком немного воздержимся, он же никуда не убежит, тем более нас с тобой никто никуда не гонит, времени целый вагон, а мне действительно надо много от тебя узнать, и прекращай меня дяденькой называть, мы же на эту тему с тобой договорились...

– Ладно, согласен, – не скрывая разочарования ответил Штуцер. – Но уговор такой... я отвечаю на твой вопрос, и мы его немножечко полируем, – и указал на коньяк. Роман расмеялся.

– А что, по-другому никак?

Штуцер тоже растянул улыбку на всё лицо.

– Нет, Лис, только так.

Из ответов Штуцера, Роман узнал что, на дворе действительно две тысячи пятьдесят седьмой год, и он оказался в этом времени, видимо угодив в очень редкую аномалию «временная петля», о ней Штуцеру рассказывал один Сталкер, Лёха Азбест, ещё Роман выяснил, что в Зоне случаются энергетические бури, называемые выбросами, и без защиты всё живое, что не успело от выброса укрыться – погибает. Один из таких выбросов ему уже пришлось испытать на себе, а произошедший несколько месяцев назад большой выброс изолировал Зону от остального мира, и лишь немногим удаётся в неё попасть. Так же Штуцер поведал Роману, о живности обитающей в Зоне, и то, что он услышал мало его утешило. Было ясно, что любая тварь так или иначе опасна, и при встрече попытается тебя убить. Существование аномалий Роман уже видел, теперь он узнал, что их существует очень много, их свойства абсолютно различны, и все они тоже несут опасность. И, наконец, Роман, сумел выяснить о людях, живущих здесь, соблюдающих некие правила, неизвестно кем и когда придуманные, и создавшие что-то вроде клубов по интересам, или, точнее, группировки, разделившие Зону по районам влияния, нарушения границ которых, приводило их к вооружённым столкновениям. Большого от, порядком захмелевшего Штуцера, Роману узнать не удалось, но даже то, что ему стало известно, привело к выводу, что его жизнь в Зоне не будет весёлой прогулкой, и надо применить все свои навыки и умения, чтобы здесь выжить, и, по возможности, как можно скорее выбраться из этого проклятого места. За размышлениями Роман не заметил, как разомлевший от выпитого, Штуцер задремал. Будить его он не стал, но и ждать пока проспится горе-пивака, Роман тоже был не намерен. Он решил сделать небольшую вылазку из убежища, а именно, как следует обследовать злополучную гостиницу Люси, точнее не саму квартиру, а снаряжение убитых ею бедолаг. Запасов провианта, медикаментов и амуниции походного назначения в подвале было с лихвой, но боеприпасов или оружия Роман в схроне не обнаружил, и решил разыскать всё это в снаряжении погибших. Ещё раз взглянув на посапывающего Штуцера, Роман убавил свет лампы и, поднявшись по лестнице, открыл входной люк. После выброса в подъезде ничего не поменялось... Та же выщербленная плитка пола неприятно хрустит под ногами, тот же битый кирпич и упавшая потолочная штукатурка... и всё же что-то изменилось. Роман остановился и ещё раз как следует осмотрелся и, наконец, заметил, что произошло. Аномалия, которую Штуцер назвал карусель, немного сместилась от того места, где она была. Вспомнив наглядную демонстрацию, проведённую Штуцером, как определить присутствие аномалии при помощи предмета, Роман решил воспользоваться данным способом, кидая в сторону возможного движения болты и, в последствии, убедился, что этот способ хорошо работает. Очередной брошенный болт в, казалось бы, пустое место, вспыхнув растворился в тысячи ярких коротких молний, накрыв собой почти половину комнаты, ведущей к выходу в подъезд. Следующий болт, брошенный рядом с первым, с глухим стуком покатился по полу, показывая, что проход свободен. Так, проवेशивая болтами путь, Роман добрался до стены, в которой зиял пролом в квартиру

Люси. Заглянув внутрь, Роман ничего нового не увидел, но всё же бросил для пушего успокоения несколько болтов и лишь затем залез в пролом, сразу ощутив всю палитру запахов гниющей человеческой плоти и испражнений твари, которая здесь обитала. Стараясь как можно быстрее покинуть это место, Роман принялся за дело и, спустя пол часа, он, используя уже проверенный маршрут, вернулся к подвалу волоча на себе то, что посчитал нужным подобрать. К его большому удивлению, люк оказался запертым изнутри. Постучав по крышке обломком кирпича, Роман крикнул:

– Штуцер, открывай... это я, Роман, – но ответа не последовало. Он ещё раз стукнул по крышке люка. – Саня, хорош ерундой заниматься... открывай уже, – но люк так и не открылся. Роман, с горечью понял какую оплошность он допустил, оставляя Штуцера одного в убежище, и всё же ещё раз брякнув по крышке крикнул.

– Сволочь ты, Штуцер, потому тебя такая же сволочь Михай и пригрел, а не скормил Люси.

– А ты меня дяденька не сволочи, – послышалось с низу. – Много вас таких по Зоне шныряет, и чем ты лучше Михая? Видел я, как ты людей на тот свет отправляешь, и меня наверняка привалить решил... Подпоил, и ждал пока я усну... Да только не вышло... Мне та бутылка, что слону дробина, а спящим я прикинулся... знал, что ты в ту квартиру погрёшься и я закрыться успею. Все вы, гады, на это добро метите... Может и ты искал его, да найти не смог. Только шишь ты сюда попадешь, сколько не ломись... терминатор хренов. – Не унимался Штуцер.

– Слушай! Если ты меня спасти не собирался, то зачем в подвал привёл? Как-то не логично, – задал вопрос Роман.

– Дяденька, ты что, вообще, что ли с дуба рухнул... Я не тебя, козла, я себя от выброса спасал.

– Ах вон оно как, – усмехнулся Роман, – оскорбляешь ты меня, конечно, напрасно, ну за-то хоть четко ответил.

– А чё мне в выражениях перед тобой стесняться, до моей морды ты теперь кулаком не достанешь.

– Это, Штуцер, ты в самую точку попал. У людей лицо, а у тебя, видишь... оказывается морда. Вот ты и сидишь как та болонка, запертая в джипе, тьякаешь через стекло возомнив себя хозяином машины, вот только не владеешь ты им, и уехать никуда не сможешь. Так что ты без Михая, как та собачонка в джипе, только и можешь, что через закрытую дверь лаять.

Через минуту Штуцера прорвало такой бранью, от которой покраснел бы любой грузчик в порту. Завершая свой поток ругательств, Штуцер прокричал.

– Слышишь, чудило... Этот схрон, если хочешь знать, не Михай, а я нашёл и полгода таких лохов как ты к Люсе в гости приводил, и тебя бы ей отдал не будь у тебя башка такая крепкая.

– Вон оказывается, сучёнок, как ты жизнь свою организовал, – зло подумал Роман, вспомнив кучу растерзанных монстром тел. – Да... ничего сказать, хороший симбиоз, несчастный потерянный студент, и тварь телепат. Ну ничего, устрой я тебе небо в алмазах, – и, сдерживая закипающий гнев, спросил. – А как же ты сам, мил человек, к Люсе на обед не попал? Молчишь, ну молчи, водочки пивни, а то, наверное, оравши голос совсем сорвал, бедняга. Вот и я делом займусь, а то так до вечера с тобой любезностями обмениваться будем, а мне ещё в дорогу собираться...

Ситуация в самом деле для Романа складывалась не лучшим образом. Судя по времени, уже был полдень, и Роману надо было торопиться, чтобы успеть подготовиться к выходу в Зону. Вывалив содержимое двух тяжёлых рюкзаков, он выбрал из них один наиболее крепкий, и начал укладывать то, что ему могло оказаться полезным в рейде, который он решил предпринять. Всё менее важное Роман уложил во второй рюкзак, решив припрятать на всякий случай.

Из оружия бедолаг, убитых монстром, он остановил свой выбор на повидавшем виды, но в исправном состоянии пистолете МАРТА, так же отложил для себя дробовик СПАС-12, который тоже являлся серьёзным вооружением. Боеприпасов к выбранному им оружию нашлось более чем в достатке, поэтому лишние Роман убрал в другой рюкзак, который планировал спрятать. В свой же он уложил моток крепкой верёвки, несколько сигнальных ракет, и разную мелочь, которая может пригодится. Не зная о том, что Штуцер выкинет такой номер, Роман при обыске квартиры не обращал внимание на пакеты и банки с продуктами, валявшимися в жуткой гостинице Люси, о чём теперь пожалел... понимая, что ему ещё раз придётся туда вернуться. Наконец, собравшись, Роман несколько раз стукнул по люку.

– Ну что душегуб... ухожу я, давай прощаться будем.

Ответ не заставил себя долго ждать.

– Давай, давай. Вали, козлина... скатертью дорога, – судя по голосу Штуцер воспользовался советом Романа – водочкой подлечился, и весьма изрядно.

– Ладно, Штуцер, лично я на тебя зла не держу... На уБогих грех обижаться, а вот за людей тобой загубленных, из-за жадности твоей и натуры сволочной, я тебя всё таки накажу, только вот ещё не решил как... Может люк завалю, чтобы ты в своём дерьме задохнулся, пока припасы все не сожрёшь, или мужикам всем встречным-поперечным растолкую, какая ты гнида, и место укажу где тебя искать с твоим Богачеством... Так-то... Вот теперь и думай как жить дальше, хотя жить ты не заслуживаешь.

Не вдаваясь в подробности ответных пьяных криков из подвала, Роман хитрым способом установил растяжку над люком, обнаружить которую вылезавший из убежища Штуцер не сможет, но в растяжке использовал вместо гранаты несколько осветительных ракет, часть из которых направил в люк, и пару установил в небо. Когда работа была завершена, Роман закинул свой тощий рюкзак за плечи и двинулся в сторону выхода из подъезда, напомнив себе, что надо ещё раз забежать к Люси. Из дома он вышел уже с заметно пополневшим мешком, пополненным найденным провиантом, состоящим в основном из сухих пайков, которые монстра не заинтересовали. Разыскивая воду, Роман подобрал несколько полупустых армейских фляжек, в одной из которых оказался спирт. Осматривая квартиру, Роману попадались небольшие герметичные коробки из металла, в которых он обнаружил странные предметы, необычных форм и цветов. Некоторые из них излучали свечение. Роман никакой практической пользы в данных находках не увидел, но всё же решил их не выбрасывать и сунул в свой рюкзак, решив рассмотреть их позже. Миновав входной подъездный марш, он вышел на улицу и остановился, чтобы оценить окружающую обстановку. Ничего необычного вокруг видно не было... Тот же унылый вид покинутых безликих домов и всеобщей заброшенности, и погода пасмурного позднего сентября, словно тягостное безысходное ожидание тяжелобольного, излечится он или нет. Единственное что изменилось, это то, что тела Михая и Лимузина исчезли, и лишь кусок разорванного плаща с пришитой латкой, указывал на место, где они лежали. Это обстоятельство было хорошим предостережением, что Зона полна скрытых обитателей, несущих опасность, и их отсутствие, это лишь заблуждение для наивных глупцов, незнающих жестоких законов Зоны, а охотник ты, или добыча, зависит здесь только от тебя. Роман, имея большой опыт закалённого в прошлом бойца, не чувствовал себя добычей, но и охотником себя не считал, попав в обстоятельства, где владение оружием и навыком бесшумного скрытного передвижения нельзя было гарантировать свою безопасность. Думая об этом, ему стало, по-своему, даже немного жаль сидящего в подвале Штуцера, ведь, по сути, он, Штуцер, выбрал единственную тактику, которая позволяла ему выжить в этом горниле мародёрств, убийств, и всех ужасов окружающих вокруг. Тут всё пропитано чужим, нечеловеческим, ненормально извращённым духом, и ты либо жив, либо косая обнимет тебя своими костлявыми руками, а как это произойдёт для тебя уже не будет важно. Так размышлял Роман всё ещё не решив, куда ему стоит направиться.

– Во всяком случае, – подумал он. – Если мне встретился Штуцер и эта парочка ныне покойных бандитов, значит попадётся кто-то ещё... это лишь вопрос времени, а этого добра у меня достаточно, главное не торчать на месте и двигаться, а направление, большого значения не имеет, потому что место, где я сейчас нахожусь мне всё равно ни о чём не говорит.

Взяв за отправную точку покосившуюся вывеску, с едва различимой надписью двадцать лет октября дом 7, Роман двинулся вдоль улицы, не забывая проवेशивать болтами путь в местах, казавшихся ему подозрительными. Пару раз его чутьё и зрение не подвело, и брошенные болты указали на присутствие аномалий. С одной из них он уже встречался. Это была карусель. Вторая сработала по-другому. Болт, угодивший в её границы, исчез в столбе пламени. Спустя пару минут огонь бесследно исчез, оставив на асфальте едва заметное пятно. Роман, в качестве эксперимента, бросил ещё один болт в то же место. Пламя вновь с громким шумом взметнулось в верх.

– Чем тебе не туристический костёр? – усмехнулся Роман. – Набрал себе болтов за место дров, сиди, подкидывай, и тепло, и светло... вот ведь хреновина какая...

Развить мысль он не успел... Где-то рядом, на соседней улице, раздалась короткая автоматная очередь. За ней последовал хлопок гранаты, утонувший в грохоте автоматной ружейной стрельбы.

– Вот тебе, бабушка, и Юрьев день, – пробормотал Роман, присев за ржавым кузовом легендарных жигулей «Копейка», и, забывая пулевые патроны в свой многозарядный дробовик, закончил. – Искал Роман Александрович общества! Вот и получите в полном объёме со стрельбой и взрывами.

Бой то затихал, то приближался, это было слышно по выстрелам сдобренными отборным русским матом. Несколько шальных пуль, угодив в проходную арку соседнего дома, сухими щелчками ударили по асфальту рядом с машиной, за которой прятался Роман. Понимая, что тонкий прогнивший кузов жигулей не может быть хорошей защитой, Роман, пригнувшись бросился к той самой арке, через которую в его сторону пролетели пули. Пробежав её насквозь, он присел и выглянул во двор, где слышалась стрельба. Трёх из пяти стрелявших он заметил сразу. Наивно уверенные, что с тыла им ничего не угрожает, бандиты, а в этом Роман ничуть не сомневался, так как одежду, снаряжение и манеру общаться он уже имел возможность слышать и лицезреть в лице его уже покойных знакомцев – Лимузина и Михая. Громко матерясь, и, не прицельно поливая из автоматов предполагаемое место своих врагов, медленно, но верно, пользуясь своим многократным численным преимуществом, продвигались вперёд. Обороняющихся, судя по ответным коротким очередям, было только двое, но действовали они, в отличии от бандитов, очень грамотно, часто меняя позиции и экономя боезапасы. Быть сторонним наблюдателем Роман не собирался, и о том, чью сторону принять, сомнений у него тоже не возникало. Вскоре, отвечать на стрельбу бандитов стал только один автомат, но и в их рядах стрелков заметно поубавилось. За исключением тех троих, местоположение которых Роман мог наблюдать. Стреляли ещё двое, скрытых от него густым кустарником, разросшимся возле крайнего подъезда дома. Развязка боя была уже близка, и о том, в чью пользу, сомнений тоже не было, поэтому Роман решил действовать оперативно мысленно пошутив.

– Пусть там хоть чёрт из табакерки, всё одно лучше, чем эта мразь.

И одну за другой бросил две гранаты в кусты, из-за которых слышалась стрельба. Не дожидаясь пока прогремят взрывы, он одним рывком добежал до троицы, никак не ожидающих нападения с тыла, гопников. Дробовик, в ближнем бою, это очень серьёзное оружие, наносящее максимальный урон и не требующее ювелирной точности. Выстрелы Романа почти слились с взрывами брошенных гранат. Два бандита упали, словно подкошенная трава, так и не поняв откуда пришла смерть, и лишь один успел обернуться, но получив порцию картечи тоже присоединился к своим товарищам. Оттуда куда упали гранаты, ни выстрелов, ни криков тоже не было слышно, но Роман, опираясь на свой опыт, торопиться к месту взрывов не стал.

Надо было освободиться от переполнявшего тело адреналина. Достав непослушными пальцами сигарету, он прикурил, при этом стараясь как можно лучше рассмотреть все детали и предметы на месте боя. Пальцами затушив докуренную сигарету, осторожно, стараясь не выходить на открытое пространство приблизился к кустам, выглянув из-за которых, увидел результат взрывов гранат. Как он и предположил, бандитов было двое, их изувеченные осколками и взрывной волной тела, в неестественных позах лежали возле основания дома. Выждав ещё пару минут, Роман также осторожно, используя в качестве прикрытия обломки плит и кирпича, подобрался к месту откуда велась ответная стрельба по бандитам. Укрытием для оборонявшихся служил обложенный силикатным кирпичом вход в подвал соседнего жилого дома. Быстро заглянув в нишу подвального входа, Роман понял, что с помощью он опоздал. Оборонявшиеся, а их как выяснилось было четверо, остались лежать, и сидеть, там, где их застала смерть. В отличии от разношёрстно ряженной братвы, эти ребята выглядели скорее военизированным подразделением, причём очень хорошо экипированным во всех отношениях. Романа удивило не столько вооружение, хотя было чему удивиться... Новенькие, ещё не потерявшие заводского воронения штурмовые винтовки М-16, добротные разгрузочные жилеты, и форма, тоже явно не отечественного производства, контрастно серого и жёлтого цветов, скорее больше демаскировали, чем скрывали носивших их хозяев. Роман, раздосадованный тем, что не успел вовремя помочь погибшим парням, присел на бетонную ступеньку лестницы, и, сняв у себя с пояса найденную в доме «Люси» флягу со спиртом, нервным движением отвернул пробку.

– Ладно парни... извините, что так вышло. Видит Бог, я помочь хотел. Земля вам пухом... – и сделал большой глоток. Второй, комом встал в горле, вызвав приступ кашля.

Привалившийся к стене напротив Романа покойник, с залитым кровью лицом, с ненавистью в упор смотрел прямо ему в глаза. Ресницы смотревшего дрогнули, и взгляд его медленно переключался с Романа на лежащую у его колен винтовку, но сил у раненого хватило лишь на то, чтобы передвинуть к ней руку, и он снова потерял сознание. Заметив раненого, но всё же живого человека, настроение у Романа значительно поднялось, и он, не задумываясь о том, кем этот раненный может оказаться, и сколько добавит ему, Роману, проблем, тут же взялся за оказание медицинской помощи. Тщательно, насколько это вообще возможно, он осмотрел бойца. Кроме рассечения на коже головы, полученного видимо от пули, прошедшей по касательной, но сильно контузившей парня, других ран Роман не нашёл. Повидавший на своём армейском веку не мало подобных ранений, он достал из мед пакета два бинт пластыря, один из которых обильно смочил спиртом, и, подбодрив то-ли себя, то-ли раненого сказал:

– Как говорил наш медик отец Тихон, спирт лечит всё... и понос, и душу, а так как у нас поноса нет, и с душой тоже всё в порядке, будем лечить голову. Извини брат, пока только с наружи.

Обтерев кровь с лица смоченным бинтом, Роман прямо из фляги полил на рану и приложил сухой бинт. От боли, причинённой спиртовой примочкой, парень пришёл в себя и прохрипел.

– Ты что, гад, делаешь! – И попытался отпихнуть Романа, но слабость от потери крови не дали должного эффекта. Роман, открыто улыбувшись парню, продолжил перевязку.

– Ну вот, прав был отец Тихон, видишь, ожил, а что я делаю? Скальп с тебя снимаю для своей коллекции. У меня в ней ещё рыжего нет... Так что сиди и не дёргайся, а то трофей мой испортишь.

Услышав подобное заявление, раненный напрягся, но затем осмыслив чёрный юмор Романа, даже попытался улыбнуться. Правда улыбка получилась больше похожей на оскал. Закончив перевязку, Роман критично осмотрел свою работу.

– Так, ну, вроде всё... Рожу отмыли, голову забинтовали. Не шедевр конечно... но вполне прилично, и, главное, очень вовремя. Теперь ещё примешь жидкую таблетку отца Тихона, и будешь как новый, и поднёс флягу к губам бойца. Сделав глоток, парень благодарно кивнул.

– Спасибо тебе мужик, конечно, только зря это всё... хана нам обоим всё равно придёт, ну всё равно спасибо.

– Что за фатализм? С ханой, мы, пожалуй, чуток повременим, а вот если бы я вовремя не успел, то тебе точно скоро бы пришла хана... Я сейчас... ты уж извини... у твоих ребят проведу ревизию, и мы с тобой найдём более приличное место для разговоров по душам, а пока вот, на, глотни ещё, тебе это сейчас только на пользу будет. – Роман передал флягу с остатками спирта в руку бойца. Взяв её, тот сделал ещё глоток, и, с заметным усилием завернув пробку, отложил в сторону, наблюдая за манипуляциями Романа.

– Мужик, я тебе серьёзно говорю... зря ты суетишься... Скоро выброс будет, потому и говорю, что нам хана.

Роман, вспомнив все неприятные ощущения, которые он испытал при выбросе, находясь даже в хорошем укрытии, понял, что насчёт опасности раненный парень не шутит. Роман, забросив в уже почти полный всякой-всячиной рюкзак ещё два снаряжённых магазина для М-16, присел на корточки возле парня.

– Интересно девки пляшут, по четыре бабы в ряд... Выброс говоришь...?

– Какие девки? – не понял боец.

– Да это я так, песню вспомнил. Ты мне вот, что лучше растолкуй, откуда ты знаешь, что выброс будет, и какого рожна, если эта хрень действительно должна случиться, вы здесь эту заваруху учинили вместо того, чтобы нормально укрыться, – застёгивая рюкзак подытожил. – Хотя... удивляться здесь не приходится, тут вообще ничего по нормальному не происходит. Да и как-то неправильно, битый час говорим, а я даже имени твоего не знаю, – и протянул руку. – Меня Роман зовут, позывной вроде как Лис.

Рукопожатие, пусть даже раненного парня, оказалось на удивление сильным.

– А я... Тим... Бульдог.

Роман засмеялся.

– Зоопарк, да и только... Лисы, бульдоги, в нашей сказке, брат, только Лягушки Попрыгушки, да Мышки Норушки нет, и теремка, куда от непогоды спрятаться.

Тим тоже широко улыбнулся

– Это точно... Как раз из-за этого теремка вся беда у нас и приключилась. Мы в этот район очень редко заходим, а тут сигнал пришёл, что выброс скоро будет, вот и решили в этом подвале переждать, бандиты тоже видимо сюда шли, вот и столкнулись...

Роман посмотрел на обвалившийся вход в подвал.

– И как бы вы в него попали? – Показывая на обломки плит, завалившие вход, спросил Роман.

– Да ёжику понятно, что никак, – эхом ответил Тим. – Вот только других мест, где от выброса спрятаться мы не знали, но и бандиты видимо тоже... Так что мы с мужиками решили, что если нам хана, то и этих отморозков сколько успеем столько положим.

Роман прервал речь Тима.

– Да брось ты... заладил хана, хана... Тоже мне псы войны. Ты мне лучше вот что скажи, когда этот выброс начнётся?

Тим посмотрел на часы и спокойно ответил.

– Думаю часа через полтора, только теперь это неважно. До базы дойти, даже если бы здоров был, всё равно не успеть, а так хоть с парнями посижу попрощаюсь. У тебя водка ещё осталась? Давай помянем... Хорошие мужики были.

Роман, хаотично обдумывая все возможные варианты, наконец выбрал самый, как ему показалось, удачный. Закинув за плечи рюкзак, он подобрал винтовку одного из погибших.

– Тим – это полное имя?

– Нет, – ответил парень. – это сокращённо от «Тимофей».

Роман весело подмигнул.

– Ну, тогда, Тимофей, слушай... Парней твоих, конечно, жалко, и не дело их вот так оставлять, да только времени у нас с тобой в обрез. Мужиков твоих мы в другом месте помянем, если туда добраться и попасть сумеем. Ты, вообще, как... на ногах стоять сможешь?

Тимофей не определённо пожал плечами.

– Сейчас проверим, – и, преодолевая сильную головную боль и слабость, опираясь на винтовку как на костыль, понялся на ноги.

– Вот и хорошо, – поправляя ремень винтовки, перекинутой через шею, сказал Роман, подставляя плечо под свободную руку Тимофея.

– Идти тут не далеко, всего пол квартала, главное, чтобы теперь нас хозяин подвала в гости пустил, а он говнюк ещё тот, – закончить предложение Роман не успел, сопровождая свистом и громкими хлопками, в небе распустились яркими красными цветами выстрелы сигнальных ракет. На встревоженный взгляд Тимофея, Роман, источая улыбку во весь рот, театрально вскинул руку указывая пальцем на горящие огни-сигналки.

– Есть всё-таки Бог на свете. Нас хозяин даже салютом встречает. Теперь бы нам только добраться успеть.

Опасения Романа были не беспочвенными. Ещё пока далеко, по серому небу начали плясать молнии, и воздух вокруг словно потяжелел, стал вязким, глотая все звуки кроме приближающихся раскатов грома. Обливаясь потом, пыхтя, словно старинные паровозы, Роман с Тимофеем наконец добрались до нужного дома. Тимофея этот марш-бросок в конец вымотал. Лицо его стало пепельно-серым. Казалось, что он вот-вот потеряет сознание. Видя это, Роман, зная об аномалиях, затаившихся в доме, скинув снаряжение и оружие в угол подъезда, и отмечая все возражения Тимофея, взвалил его на себя.

– Ну тяжёлый же ты, Тимофей... не Бульдог тебя надо было назвать, а Кабан, – и, стараясь восстановить в памяти правильное направление, двинулся в лабиринт комнат полных аномалий. Почти дойдя до места, он вспомнил про аномалию карусель, которая в прошлый его сюда визит, сместилась от края в середину комнаты, и уже успела прокатить своего первого «пассажира». Им оказался Саня Штуцер. Он и сейчас был здесь... или вернее то, что от него осталось, в виде разорванных в клочья одежды с кусками плоти разбросанных по углам комнаты. Роман, бегло взглянув на всё это, лишь горько усмехнулся.

– Всё в этом мире возвращается с троичей, вот и тебе вернулось, – и, зло плюнув, прошёл мимо затаившейся карусели.

Люк был настежь открыт, видимо, изрядно подвыпивший Штуцер, вылезая чтобы проверить ушёл или нет Роман, попав под шум и огонь сигнальных ракет с перепугу угодил в аномалию. Роман, не забывая больше себе голову возможной хронологией случившегося, с большим трудом спустил по лестнице потерявшего сознание Тимофея, и лишь плотно закрыв на засов люк, рухнул на топчан. Где-то, совсем рядом, словно батарея орудий, выстрелившая разом ударил гром, сильно резанув болью по барабанным перепонкам Романа. Стены в глазах поплыли в сторону. Последнее, что он заметил перед тем, как впасть в забытьё, это судорогой скрученное тело Тимофея, лежащего на соседнем топчане. Сколько длился выброс Роман не знал, но видимо довольно долго, так как кровь, хлынувшая из носа на подбородок, уже успела высохнуть, и керосиновая лампа, стоявшая на столе, едва заметно горела, израсходовав свой запас топлива. Наконец, несколько раз не ярко вспыхнув, потухла совсем. Роман встал и, полагаясь на свою память, неуверенным шагом прошёл к полке, на которой он видел такую же лампу. Немного повозившись, он её нашёл. Достав из кармана зажигалку, мысленно выругал себя за то, что сразу ей не воспользовался. Лампа была полностью заправлена, и вскоре в подвале ярко загорелся свет. Пока Роман возился с освещением, пришёл в себя Тимофей и, с заметным интересом, наблюдал за действиями Романа. Заметив, что его спасённый приятель в сознании, Роман присел рядом на топчан.

– Ну что вояка... как самочувствие?

Тимофей неопределённо повёл плечами.

– Голова трещит, а так терпимо, – и немного замявшись добавил. – Лис! Ты это... короче спасибо тебе за всё...

Романа благодарность Тима тоже смутила.

– Да брось ты, всякий нормальный мужик так бы поступил, – слова Романа заметно удивили Тимофея...

– Да нет, друг, тут почти никто так бы не поступил. Я ведь из Монолита, – ожидая реакции, глядя прямо в глаза, сказал Тимофей. На Романа, измученного всеми навалившимися проблемами минувшего дня, слова Бульдога, не произвели абсолютно никакого впечатления. Прислонив винтовку к стене, он устало посмотрел на Тима.

– Мне всё равно, друг, будь ты хоть с Монолита, локомотива, спартака, или из группы поддержки защитников племени хамбу-ламбу. Детский сад какой-то в самом деле. Главное, что ты не из этих блатных говнюков, они-то вот мне точно не нравятся.

Слова Романа, Тимофей встретил с рассеянным недоумением.

– Чудной ты, Лис...

Роман, развязывая шнурки надоевших за день берц, не злобно проворчал.

– Это вы здесь... мягко говоря, чудные. Словно дети малые, поделить песочницу не можете, кому больше в ней камушков достанется. Только это не песочница, и за камушки диковинные в песочнице, никто никого не убивает. И вообще, хорош болтать, тебе сейчас отдых нужен, да и мне малость отдохнуть не помешает. Завтра про дела потолкуем, – не дожидаясь очередного вопроса, Роман растянулся на топчане и закрыл глаза, давая понять, что разговор окончен.

Проснулся он от запаха тушёной фасоли и сала, шкварчащего на сковороде, стоящей на столе возле топчана. Заметив его пробуждение, Тимофей, ловко резавший большим тесаком консервированный хлеб, бодрым голосом сказал:

– Лис, я у тебя тут малость похозяйничал, – и, завершив работу, уселся за стол напротив. – Скоро кофе сварится, – закончил он и протянул Роману ложку.

Завтракали молча. Видя, с каким удовольствием Тимофей уплетает свой завтрак, Роман про себя порадовался.

– Если человек хорошо ест, значит здоровье идёт на поправку, – но потом подумал, что это как-то не очень вяжется с вчерашним видом и состоянием раненного и тяжело контуженного Тима, и, немного поколебавшись, спросил.

– Тим, как так получается... Ещё вчера видок у тебя был... краше в гроб кладут, а уже сегодня ты выглядишь как новый гривенник?

Тимофей, продолжая поглощать свой завтрак, ответил.

– Лис! Я же тебе сказал, что немного здесь у тебя похозяйничал. Ты уж извини. Прерывать твой самозабвенный храп я не стал, вот и нашёл то, что надо... Твоим мед запасам даже Горыныч, это медик наш, позавидовал бы чёрной завистью. Плюс ко всему этому, позаимствовал у тебя волчьи слёзы и радугу, а они в паре, сам знаешь, мёртвого на ноги поставят. Хотя, можно было обойтись и одной радугой, но сам же понимаешь, что это очень долго. Слёзы с радугой я тебе на нашей базе свежие верну. Кстати, извини конечно за любопытство, откуда у тебя такое Богатство... Конечно, если не хочешь – можешь не рассказывать.

Слушая Тимофея и абсолютно не понимая, о чём идёт речь, Роман наконец не выдержал.

– Слушай, Тимофей! Давай сразу расставим все точки над и... Это, как ты говоришь Богатство, досталось мне случайно. Как это произошло я тебе с удовольствием расскажу, а вот насчёт всего остального... типа собачьих слёз и т. д.

– Волчих слёз, – поправил Тим.

– Без разницы, – отрезал Роман. – В общем я хочу знать всё, о том, что и кто меня окружает, и вообще, что здесь происходит. Я тут, знаешь ли, не так давно нахожусь, поэтому

не в курсе что кого и с чем едят. Только просьба... рассказывай медленно и по порядку, а то был тут рассказчик до тебя... эта берлога, кстати ему и принадлежала до вчерашнего дня. Так вот, он мне про твой Монолит... как про самых страшных врагов рода человеческого вещал, а на деле сам сволочью конченной оказался.

И Роман, насколько он мог, подробно поведал о всех россказнях Штуцера и своих злоключениях, случившихся с ним с момента появления в Зоне. Тимофей внимательно, не перебивая, выслушал историю Романа, недолго помолчав, видимо пришёл к какому-то решению. Словно отгоняя какие-то сомнения, махнул рукой и подмигнув Роману заговорил.

– Ты понимаешь какая штука это место, в котором мы сейчас с тобой находимся, собственно, и было нашей точкой поиска. Мы узнали, что в этом районе пропадает много людей, и не всегда самых плохих. Откуда мы это узнали, я тебе чуть позже объясню, всё равно пока ты о всём этом не узнаешь, то, наверняка, не поверишь. То, как тебе расписал этот подонок, Штуцер, Монолит... можно сказать почти правда, или, вернее, полу правда. В Зоне существуют довольно много группировок, состоящих из разных представителей рода людского. Есть тут, конечно, и романтики, и любопытствующие путешественники вроде тебя... но это очень небольшая прослойка мёда на большой куче дерьма, состоящего из барыг неудачников, которые не смогли себя реализовать в нормальной жизни, убийц, причём убивающих ради собственного удовольствия, и гопников, которые кроме своего пакостного ремесла ничего и делать-то не умеют, да и не хотят. Ещё тут есть вояки... Те собрали в себе все качества... отнимать, убивать и продавать. Идейные тоже есть конечно. Так вот одни из них называются группировка «Свобода», в двух словах хипари и анархисты, их можно сильно в расчёт не брать. Облюбовали себе кусок территории и живут в своё удовольствие, по Зоне почти не шляют. Полная им противоположность группировка «Долг». Она состоит в основном из бывших вояк, не нашедших себя в гражданской жизни, или решивших заработать себе прибавку к пенсии. С ними считаться стоит. Они мужики дисциплинированные и хорошо подготовленные. Помимо пафосного названия «Долг», у них и замыслы глобальные. Полное уничтожение всех и вся, что здесь живёт и называется Зоной.

Роман прервал Тимофея.

– С ними всё понятно, а что на счёт вас?

Тимофей шумно выдохнул.

– Чтобы тебе понять кто мы такие, и для чего здесь находимся, мне нужно рассказать тебе немного не мало историю Зоны, всё, что с ней связано, и как мы, то есть «Монолит», связаны с ней, – и закулив предложенную Романом сигарету продолжил. – Изначально, к военному ремеслу мы не имели почти никакого отношения, разве что наша охрана, а мы в большинстве своём были учёными. Физики ядерщики, биологи, химики, математики... Одним словом люди науки. Здесь мы изучали последствия ядерной катастрофы, о которой ты, конечно, в курсе. В конце концов, в результате долгих изысканий и экспериментов, наши предшественники сотворили нечто, что вызвало в результате их ошибки ещё более мощный взрыв, после которого случился странный парадокс, а именно вся территория, которую накрыл выброс, после взрыва по какой-то своей неведомой нам причине, попала в параллельную нашей земной реальность, со значительным изменением времени, и всего, что здесь нас окружает.

Роман, пытаясь осмыслить услышанное, с нотками сомнения в голосе спросил.

– Тим! Может у тебя после контузии воображение разыгралось? Знаешь, когда по башке ударной волной хлопнет и не такое придуматься может... – но, заметив взгляд Тимофея, примирительно сказал. – Ладно, не кипятись, верю я тебе... Только как-то всё очень странно... но ведь действительно, в нашей, нормальной Зоне ничего подобного нет. Туда уже много лет экскурсии возят, радиоактивных сомов булкой покормить в пруду... и на развалины Припяти посмотреть, в которой максимум из достопримечательностей гнилые противогазы и, если сильно повезёт, пару крыс переростков увидеть можно, а тут... – Роман многозначительно раз-

вёл руками. – Вон сколько всякой чертовщины происходит. У меня, Тимофей, к тебе ещё один вопрос. Ну, может и не один... Если эта Зона, как ты говоришь, из параллельного мира, то каким макаром сюда люди попадают? Соответственно, если попадают, значит и выбираются как-то? И почему всё-таки у вас такая репутация, мягко говоря, паршивая?

Тимофей улыбнулся.

– В этом, друг, вся и заковыка... Мы очень серьёзно изучали всё, что-только можно изучать в этой Зоне, обитателей, флору, аномалии и, конечно, артефакты, которые можно сказать являются основной валютой и целью для местных искателей.

Роман поскрёб рукой подбородок.

– Ты говоришь мне про камни и стекляшки разной формы?

– Да, именно про них я тебе и говорю, но это не камни и стекляшки... это сгустки разных материй, в основном твёрдые, но вещества, из которых они состоят никому неизвестны. Одно очевидно... за много лет изучений мы, впрочем, как и другие жильцы Зоны узнали их свойства. Не всех, конечно, но многих. Так вот, некоторые из них являются очень редкими и имеют удивительное свойство наделять своих хозяев способностями недоступными для обычного человека. Одни из артефактов, как те, что я у тебя позаимствовал, по-простому говоря, лечат, другие добавляют сил. В общем открывают в человеке резервы, о которых мы даже и представить не могли, не без побочных эффектов, конечно. Есть просто красивые безделушки. Эффект их воздействия минимален, поэтому и цена на них не высокая. Все они образуются в аномалиях, и каждая аномалия рождает свой конкретный артефакт, но есть среди них очень сильные и крайне редкие... они появляются в результате слияния нескольких аномалий. По мимо того, что они очень редкие, добыть их невероятно сложно. Соответственно и цена за них высока, и далеко не все, кому их удалось найти смогли стать счастливыми владельцами, большинство из них заплатило собственной жизнью за право ими обладать.

– Слушай, Тимофей! Вся эта минералогия с элементами волшебства и ужасиков крайне познавательна, но ты мне так и не ответил на мой вопрос... Вы-то здесь причём?

– Именно об этом я тебе и пытаюсь растолковать, и, если ты не против, я закончу до конца, а потом можешь спрашивать, а пока не перебивай...

– Я весь внимание, – раздражённо ответил Роман, наливая в кружку почти остывший кофе.

– Тогда слушай дальше. Наша база расположена именно в том месте, где эти редкие артефакты можно отыскать, и стоит она там не случайно. Можно сказать, что мы это, так сказать, поле с артефактами охраняем.

– А нахрена вам это надо? – снова перебивая рассказ Тимофея спросил Роман. – Ты же сам сказал, что добыть их практически невозможно, а если кому и повезёт, то и Бог с ними. В качестве джек пота за риск потерять свою жизнь человек денежку хорошую заработает. Или что-то не так?

Тимофей, терпеливо выслушав Романа, продолжил.

– Именно, что не так. Если бы эти артефакты были просто дорогой безделушкой, то речи об их охране и быть не могло. Тем более, что стоит она для нас слишком дорого, а именно жизни наших лучших бойцов. Эти артефакты особенные... Я тебе расскажу, пожалуй, о трёх самых редких и дорогих. Один из них, под смешным названием «Болтун», имеет вид непримечательного жёлто-зелёного камня размером с кулак среднего человека. Он даёт своему владельцу возможность понимать, и даже в некоторых случаях разговаривать с обитателями Зоны, при этом оставаться для них даже приятелем, а не как источник пищи. Знай, что почти всё, что здесь кроме людей водится, тебя рассматривает именно с гастрономической точки зрения. Второй артефакт имеет название «Компас», он позволяет своему обладателю видеть аномалии и спокойно передвигаться там, где человек, вооружённый самыми продвинутой распознавательной аппаратурой, не сможет пройти и десяток метров. И, наконец, третий... пожалуй

самый редкий и дорогой... Найдено их всего несколько штук. Имя его «Парадокс». Его уникальность заключается в том, что с его помощью можно открывать, если можно так сказать, завесу между нашей Зоной, и той, из которой ты сюда попал. Несколько из них есть у нас, и мы ими иногда пользуемся... это тебе ответ на вопрос откуда и каким образом к нам попадает снаряжение и люди. Открывшись, портал закрывается не сразу, поэтому иногда случается, что люди вроде тебя случайно оказываются здесь, это происходит крайне редко. Мы за этим тщательно следим, ты уж мне поверь, и поэтому, я очень удивлён как ты сумел тут очутиться. Чтобы инициировать работу данного артефакта, необходимо знать группу голосовых команд, создающих необходимую вибрацию. Лучше, когда это делает группа из нескольких человек. Бывало, что случайные зеваки видели это действие, и по своему скудоумию решили, что мы вроде как секта полоумных фанатиков, молящихся своим Богам, или что-то в этом роде. Разубеждать мы, конечно, никого не стали, это нам даже на руку, а теперь представь такую ситуацию... если кто-то, с не самыми хорошими помыслами и манерами завладеет этими тремя артефактами... Он сможет спокойно передвигаться, не опасаясь аномалий, при этом имея охрану из представителей местных монстров, с помощью которых, кстати, не напрягаясь будет сводить счёты со всеми ему неудобными... и самое главное сможет владеть ключом от Зоны, впуская и выпускающая всех, кого ему заблагорассудится. Одним словом, это может привести к самым печальным последствиям, как в этой Зоне, так и в твоей реальности, большинство из людей в которой не способно принять всё это. Вот именно поэтому мы так рьяно охраняем эту территорию и имеем такую скверную, как ты говоришь, репутацию. И кстати... сюда мы выдвинулись именно потому, что узнали, что некто завладел артефактом «Болтун» и, как ты, наверное, уже догадался, этим некто и был твой Штуцер, а как он его использовал ты тоже в курсе... Вот и подумай, насколько это серьёзно.

Ошарашенный рассказом Тимофея, Роман некоторое время сидел молча, рассматривая затейливый кофейный рисунок в опустевшей кружке. Всё происходящее здесь начало проясняться и складываться в более или менее понятную картину. Наконец, придя к заключению, он громко поставил кружку на стол и посмотрел в лицо Тимофея.

– Да уж... и ёжики на минном поле тоже кони...

– Ты о чём? – не понял Тимофей.

Роман, видя растерянный вид товарища, поднялся с топчана и засмеялся.

– Я говорю, хреново у вас тут без меня было, и со мной тоже хреново будет, – и, увидев ещё более удивлённое выражение на лице Тима, рассмеялся в полный голос. – Ладно, не заморачивайся. Из твоего обстоятельного рассказа я теперь точно знаю кто хорошие парни, кто плохие, и насчёт этих камушков теперь тоже, можно сказать, что немного в курсе. Теперь, друг ты мой, Тимофей, расскажи, что я тут потерял, и как мне из этого тридевятого царства назад домой вернуться, а по поводу этого артефакта, который ты называешь «Болтун» можешь не беспокоиться, я его вместе с другими в вещь-мешок убрал и сейчас тебе верну в целостности и сохранности. Он у меня в подьезде припрятан с моими Богатствами, для меня более ценными. Патроны, гранаты... для меня это гораздо дороже в этом заповеднике доброты и благодушия, и, пока я за ним схожу, если тебя не затруднит, накидай что-нибудь на стол. Алкоголь на твоё усмотрение... благо, выбрать есть из чего.

На том и порешили. Не дожидаясь ответа, Роман открыл люк и вылез в промозглый, от идущего мелко морозящего дождя, разрушенный подьезд дома. На территорию Зоны уже напоздали вечерние сумерки, сливаясь с непроглядной чернотой затянутого дождевыми тучами неба. Роман, рискуя угодить в какую-нибудь из аномалий, прошёл к месту тайника, и, забрав рюкзак, также быстро вернулся назад, лишь мельком бросив взгляд на то место, где нашёл свой конец Штуцер. Аномалия никуда не сместилась, сквозь её едва заметное мерцание ещё можно было рассмотреть разорванную одежду и берцу с остатком худой ноги горе Сталкера Сани Штуцеренко. Подходя к люку Роман подумал.

– Надо было адрес узнать... Может правда у него в Киеве больная мать осталась, помог бы по мере сил... – и, спустившись вниз, плотно закрыл люк.

В его отсутствие Тимофей, по-походному быстро, не напрягая себя раскладыванием явств по тарелкам, а просто открыв ножом консервные банки, сервировал их стол и, пыхтя, возился с сургучём пробки на пузатой бутылке хорошего армянского коньяка. Завидя, Романа сказал: «Всё у них не как у людей... нет, чтобы пробку обычную сделать...»

Роман, не вмешиваясь в потуги Тима, бросил рюкзак на топчан, и прошёл к стеллажам, заставленным бутылками и коробками, и, достав ещё одну бутылку такого же коньяка, используя нож быстро её распечатал. Выбив пробку ударом ладони по дну бутылки, и заметив удивление в глазах Тимофея, как бы между прочим подметил.

– Обычные пробки на кефире и на водке, их даже собака зубами откроет, а коньяк открывать это своя наука плюс опыт... это тебе не ядерная физика с микробиологией, – и под общий хохот разлил содержимое в армейские железные кружки. Тимофей хотел что-то сказать, но Роман жестом его остановил. Молча расстегнув клапан рюкзака, достал жёлто-зелёный камень, и положил его на стол перед Тимофеем. – Давай, Тим-Бульдог, выпьем за твоих друзей, погибших, надеюсь, не из-за этого булыжника, а прикрывая спину своих товарищей. Земля им пухом.

И, не дожидаясь ответа, залпом выпил всё содержимое кружки. Коньяк приятным теплом разлился по уставшему телу, Роман, отодвинув предложенную банку с тушёной в сторону, достал сигарету и с удовольствием закурил. Тим, плотно закусив, тоже отставил опустевшую банку в сторону и, кивнув Роману, снова наполнил кружки.

– Я тебе, Лис, очень благодарен, и за себя, и за мужиков. Думаю, что между нами в связи с последними событиями не может быть недопонимания. Ты меня спас и про артефакт мог промолчать, но ты его вернул... поэтому я тебе полностью доверяю и вижу, что ты хороший человек. Поэтому ещё раз тебе спасибо.

Роман поднял кружку.

– Хватит уже мне умильные дифирамбы петь, расплачусь сейчас...

– Подожди, Ром, не перебивай. Сколько тебе в Зоне находится я не знаю, но попытаюсь договориться со своими, чтобы тебе помогли вернуться домой как можно быстрее. Думаю, мне в этом не откажут, так как я не последнее лицо в нашей организации, а артефакт... – Тимофей, указав взглядом на камень, лежащий на столе. – В общем, «Болтун» оставь себе. Мы его не нашли... и ты, кстати, тоже... Он очень тебе может пригодиться. Как им пользоваться я объясню, поверь... он может не один раз спасёт твою жизнь. Таким образом я хочу тебя отблагодарить, а теперь, давай выпьем просто за нас... и потом, пока мы ещё сильно не накидались, ты мне расскажешь, как ты в Зону попал.

Роману ничего другого не оставалось, как согласиться, и громко чокнувшись кружками, товарищи закрепили свой тост. Повествования Романа о своём появлении в Зоне были недолгими. Он подробно рассказал о том, как его пригласил в поездку друг Борис и он с группой канадских разработчиков игр с названием СТАЛКЕР приехали в деревню под Припятью, к его, Роману, знакомому старику по имени Саватей, и о том, как потом неизвестным образом очутился в Зоне. При упоминании имя Саватей, Тимофей заметно встрепенулся, но, не перебивая, дослушал рассказ Романа до конца, и лишь потом заговорил.

– Теперь слушай, что я тебе скажу... Твой друг, старик Саватей у нас, да что там у нас, вообще в Зоне легендарная личность. В прошлом он был уникальным учёным, и, можно сказать... девяносто процентов того, что мы знаем сейчас о Зоне это его личная заслуга. Он долгое время тут работал, изучая свойства артефактов не по книжкам, а в поле, и тот самый «Парадокс», и «Болтун» тоже были им изучены для таких как мы. В одной из своих ходок в Зону, он поймал какой-то редкий вирус, от которого здесь погибают за считанные дни, а там, где он сейчас, вирус абсолютно безопасен, и более того, он там служит можно сказать как эликсир

бессмертия. Поэтому Саватей вернулся в ту, вашу реальность, продолжая работать в качестве проводника из того мира в наш, а канадцы, которые якобы разработчики игр, это учёные, которых мы давно ждали... а вот на счёт того зачем Саватей отправил сюда тебя и твоего друга я не знаю, но, вернувшись к нам на базу, постараюсь узнать от тех канадцев. Кстати, один из погибших в моей группе парней был одним из них.

Теперь и для Романа Вся картина произошедшего с ним приобрела полную ясность. Оставалось только выяснить зачем Саватей его сюда отправил, где находится Борька Кора, и как выбраться назад, чтобы лично легендарного Саватея отблагодарить. Наконец, прояснив планы на ближайшее будущее, теперь уже как хорошие приятели, Роман и Тимофей, решили не нарушать славянских обычаев... «Воевать так насмерть, гулять так до песен». Допитый коньяк заклеямили пойлом для буржуев и под песни чёрный ворон и мороз-мороз употребляли водку...

Роман проснулся от жуткой головной боли и грохота падающих коробок, в которых барахтался, громко матерясь, Тимофей. Полежав ещё несколько минут с закрытыми глазами, он постарался сконцентрировать свои мысли на вчерашнем разговоре, но весь этот круговорот лиц и событий ещё больше усугубил его не самое лучшее состояние доброго русского похмелья. Крепкий кофе с заклеимённым, как буржуйское пойло коньяком, и лёгкий завтрак возымели положительное действие и, спустя пару часов, Роман с Тимофеем, уже громко обсуждали план действия на сегодняшний день, выбирая из награбленного Штуцером и его дружками-бандитами имущества, всё необходимое для выхода в Зону. Для Романа многие предметы были в новинку. То, что он в своё время считал продвинутым снаряжением, здесь давно уже считалось устаревшим прошлым. Тимофей лично и очень придирчиво осмотрел экипировку и все сопутствующие к ней дополнения, и как бы отвечая самому себе довольно кивнул, и протянул Роману прибор.

– Это твой ПДА, носится он на руке... Пока ты дрых, я тебе его отыскал и перенастроил на наши частоты, чтобы ты, ненароком под огонь от своих не попал.

Роман, пристегивая ПДА к руке, усмехнулся.

– Это типа как собачий чип на ошейнике?

– Нет, – серьёзно ответил Тимофей. – Эта штука в Зоне очень ценная вещь. В ней заложено очень много функций. От места твоего положения до определения свой-чужой, да... и так сможешь читать всю Сталкерскую болтовню, короче будешь в курсе всех местных сплетен. Пользоваться им не сложно, главное запомни коды частот «Монолита», потому что сам понимаешь... с общей информацией я их запустить не могу, к тому же мало ли с кем тебе придётся общаться, поэтому в кругу посторонних ими тебе лучше не пользоваться. И вот ещё что... Я приготовил специальный контейнер для твоего арта «Болтун», он у тебя встроен в разгрузку. Ни в коем случае его никому не показывай и носи всегда при себе.

Роман нащупал рукой во внутреннем кармане небольшой квадратный предмет.

– И что, я с ним теперь как Гари Потер. Крибле-крабле и все местные твари хвостами завиляют?

– Не юродствуй. Я тебе о нём вчера всё очень серьёзно рассказал. Хвостами тебе никто вилить не будет, а может и будут... в общем как сам договоришься, во всяком случае, наша живность и нечисть на тебя не будут обращать внимания, словно ты один из них. Во всём остальном разберёшься сам. Я им лично не пользовался поэтому всё, что знал, то рассказал. И ещё... у нас на базе никому не говори, что я тебе его отдал, и что он вообще у тебя есть, это важно...

Роман, ухмыльнувшись, хлопнул ладонью по артефакту.

– Ну, друг, спасибо тебе... привязал мне пол кило кирпича заговорённого... носи, брат, пользуйся... а как пользуйся я и сам не знаю. Ладно, всё равно спасибо. Может и стодитса... где гвоздь приколотить, или орехи колоть. Одним словом, вещь в хозяйстве нужная.

Тимофей какое-то время стоял молча, ошарашенный словами Романа, но затем поняв не очень умную шутку громко хлопнул ладонями по ляжкам и закатился хохотом, вслед за ним засмеялся и Роман. Всё ещё давясь приступами смеха, он спросил.

– Тим! Ответь мне, почему у вас жёлто-чёрная форма, вы же в ней как снегири на снегу, – Тимофей вытер тыльной стороной ладони выступившие от смеха слёзы.

– С нашей формой тоже смешная история приключилась. Первую её поставку делали наши западные друзья, и то-ли они что-то напутали, то-ли наши барыги решили, что это будет подешевле, одним словом, припёрли нам экипировку для солдат, воюющих в пустыне. Она, конечно, здорово демаскирует, но зато и плюсы в ней есть. Помимо того, что сделана добротно, мы сто процентов не ошибаемся в столкновениях, где свои, где чужие. Поэтому и решили, что пусть она будет такой и дальше. Тебе, как ты уже заметил, я подобрал снарягу обычный хамелеон, она тут в ходу у Сталкеров ветеранов разных группировок, а ветеранов потому, что у новичка не хватит средств её приобрести. У барыг она в большой цене. Всё остальное ты волен выбирать себе сам, и не забудь забрать с собой награбленные Штуцером артефакты... Это самая звонкая монета Зоны. Для поиска твоего друга они тебе пригодятся... После не долгих сборов Роман застегнул плотно набитый рюкзак и с интересом наблюдал как Тимофей пытается растолкать как можно больше трофейного коньяка по своим многочисленным карманам. Заметив, что на него смотрят, он скорчил виноватую физиономию и словно оправдываясь сказал.

– Пойло, конечно отвратное, но у нас такого не достать, а иногда так хочется граммов сто именно такой гадости в пересохший рот налить... да и мужиков угощу... не всех конечно, – и, заметив улыбку Романа, громко захохотал.

Покинув сухой, тёплый и такой уже обжитой схрон, Роман зябко передёрнул плечами, выходя в промозглое, пропитанное водой и плесенью помещение подъезда. Люк был заперт найденным у Штуцера ключом, и хорошо замаскирован той же разбитой мебелью, которая служила камуфляжем и в прошлом. Ключ тоже был спрятан, и теперь о месте его нахождения знали только они вдвоём, больше не задерживаясь ни на минуту мужчины поспешили в туманное осеннее утро города-призрака. Двигались по-боевому, скрытно и осторожно. Тимофей шёл чуть впереди, опережая идущего за ним Романа метров на пять, лишь изредка останавливаясь, сверяя показания прибора с указанием аномалий и картой местности. Роман, прикрывая спину товарища, напряжённо всматривался в призрачные очертания городских развалин, укрытых нереально плотным утренним туманом, не забывая при этом двигаться, повторяя путь Тимофея. Миновав ещё два таких же безликих, мёртвых квартала, Тим остановился и, обернувшись, махнул рукой, подзывая Романа к себе. Дождавшись, когда тот подойдёт, негромко сказал.

– Лис! Теперь будь предельно осторожен, здесь начинается территория разграничения между военными и Монолитом. Почти наверняка выставлены дозоры, о которых я могу не знать, и, если для меня лишь одна сторона враждебна, то ты... хорошая мишень для обеих сторон. Выходить на связь со своими я сейчас не могу. Это очень большой риск для нас обоих, поэтому давай поступим следующим образом. Быстро двигаемся к детскому саду, – Тимофей, указал на едва различимое в тумане здание. – Там есть место, где ты сможешь пару часов пересидеть, пока я схожу к своим за эскортом. Остальные вопросы будем решать по мере их возникновения, – и, не дожидаясь ответа, Тимофей быстро пошёл вперёд.

Миновав разрушенное во многих местах ограждение из сетки рабицы, они благополучно достигли крыльца двухэтажного здания, исправно служившего в далёкие советские времена детским садом с тёплым и мирным названием «Солнышко», о чём Роман узнал из облупившейся надписи на фасаде. Кроме надписи, ничего солнечного Роман не увидел, скорее наоборот. Всё здесь смахивало на постапокалиптическую реальность, а название «Солнышко» ещё больше подчёркивало всю нелепость и уродство настоящего, которое навсегда изгнало весёлый гомон и детский смех из этих стен. Думы Романа были прерваны голосом Тимофея.

– Лис! Ты что, приведение увидел... Двигай за мной, быстрее. Не хватало, чтобы нас здесь, почти дома, какой-нибудь снайпер уложил.

Роман, не споря проследовал за Тимофеем. Миновав чудом сохранившуюся дверь, они поднялись на второй этаж и, пройдя сквозь длинный пролёт коридора, очутились в небольшой комнатке с выбитым окном, занимавшим добрую половину стены. Когда-то здесь, видимо, был кабинет заведующего детского сада. Это можно было понять из пожелтевших, растрёпанных, учётных журналов, разбросанных по углам комнаты, и тяжёлому сейфу с раскученной мародёрами дверцей.

– Ну вот мы и на месте, – повеселевшим голосом сказал Тимофей, освобождаясь от тяжёлого рюкзака. Аккуратно прислонив его к стене, озорно подмигнул Роману. – Всё, дружище, сиди здесь и никуда не выходи и главное стереги моё добро, зря что ли я его столько на себе волок, – в подтверждение своих слов легонько пнул рюкзак ногой, издавший характерный бутылочный звон.

– Ну, это Богачество, конечно, сберегу, – в тон Тимофею пошутил Роман. Тимофея слова Романа ещё больше развеселили, и он не громко засмеялся.

– Именно, что Богачество... Ну ладно, действительно постарайся никуда не высываться. Для обзора у тебя есть окно. В него видно практически все подходы, а в те, что находятся в слепой Зоне, никто из нормальных людей не сунется. Там аномалии одна на другой. Так что поглядывай в окно, и, прежде чем палить сначала, убедись, что это не я. Теперь вроде всё, – и, переместив по-боевому винтовку на грудь, Тимофей, бесшумно удалился из комнаты.

Вскоре Роман заметил его двигающимся уже на границе территории детского сада, с уважением подумав, что если эти парни все так подготовлены, то это серьёзная сила. Стараясь убить время до прихода Тимофея, Роман решил обследовать другие комнаты здания. Оставив свой Рюкзак возле «Богачества» Тима, он вышел в коридор обходя один кабинет за другим. В одном из них он наткнулся на целый ворох истлевших мягких игрушек, словно специально собранных кем-то в одном месте. Роман наклонился и подобрал плюшевого медведя с оторванной лапой и не симметрично пришитыми пуговицами вместо глаз. На память пришло детское стихотворение: «Уронили мишку на пол, оторвали мишке лапу»... За спиной Роман вдруг почувствовал чьё-то присутствие, и услышал не выразительный, словно шелест голос.

– Это мой Тарасик, Тарасик мой... Тарас... Таараасик... моё, мой.

Роман резко отпрыгнул в сторону, стараясь сместиться с линии предполагаемого огня, сам при этом стараясь взять говорившего на прицел. Перед ним стоял человек в грязном, засаленном медицинском халате. Проигнорировав направленный в свою сторону автоматный ствол, человек хаотично стал перебирать кучу хлама из мягких игрушек и, лишь заметив ту, заветную быстро подобрал её с пола и крепко прижал к груди. Это был тот самый медведь с оторванной лапой, которого ещё минуту назад рассматривал Роман. Лишь теперь вошедший обратил внимание на чужака. Роман, осознавая всю нелепость происходящего опустил автомат и уже более внимательно оглядел своего странного гостя. Тот, кто предстал его взору, вряд ли смог бы называться человеком в полном смысле этого слова. Скорее он напоминал мумию из страшилок в комиксах. На обтянутой, словно старинным пергаментом лысой голове, редкими клоунами свисали длинные седые пряди волос. Усохшие, в глубоких трещинах губы, обнажали жуткий оскал редких зубов, и взгляд, в котором словно сплелось несоединимое безразличие сошедшего с ума, страх и бесконечное горе. В упор посмотрев Роману в глаза, гость грязным костлявым пальцем ткнул в медведя.

– Тарасик – мой. Тарас... – и протянул игрушку.

Затем, словно передумав, снова прижал его к себе, резко повернул голову к двери, ненадолго замер прислушиваясь и молча вышел из комнаты. Обдумать увиденное Роман не успел, где-то на первом этаже послышались шаги нескольких человек и он, обругав себя за допущенную беспечность, поторопился занять оборонительную позицию, выбрав в качестве укрытия

поваленный набор сейф. Топот шагов быстро приближался. Роман, готовый к скорой развязке, предусмотрительно выложил перед собой ещё один снаряжённый автоматный магазин и приготовился к бою.

– Лис! Это я, Тимофей! – раздался голос и в дверной проём вошёл его приятель Бульдог, а вслед за ним проследовали ещё двое серьёзного вида бойца. В неизменном жёлто-сером камуфляже. В отличии от своих суровых товарищей, Тим, заметив лежащего за сейфом Романа широко улыбнулся, обнажив ряд безупречно белых зубов и, обращаясь к одному из своих, сказал – Ну что, Панама, я тебе говорил, что по-тихому к нему не подойдём. Сюрприз не удался, так что по прибытию на базу пол кило водки с тебя.

Тот, кого Тимофей называл Панама, засмеялся.

– Речи нет, я от спора не отказываюсь, только есть пара оговорок. Во-первых, ты специально топал как бегемот и только глухой мог тебя не услышать, и вторая... За нами целая кодла жуликов-бандитов по пятам шлёпает, и до заветных пол кило водки на базе ещё добраться надо. А так всё хорошо, я без проблем проставляюсь, – и протянул подошедшему Роману руку. – Понаморёв Сергей меня зовут, позывной Панама. В жизни – физик, а здесь – сапёр и друг этого охламона Бульдога, а тот бледный юноша с СВД – Валера Октябрьский... или просто Октябрь. Он у нас снайпер, хочу заметить, довольно неплохой.

Услышав своё имя, Валера, уже занявший позицию у окна, приветственно кивнул, и прильнув глазом к прицелу снайперской винтовки стал пристально изучать местность, прилегающую к зданию детского сада. Тимофей, скинув с плеч увесистый рюкзак, извлёк из него несколько сух-пайков.

– Ладно мужики, война-войной, а обед по расписанию. Время ещё позволяет. Лис, присоединяйся. Не ресторан, конечно, но хоть что-то в желудок забросить, да и воевать сытому как-то повеселей будет.

Открытые консервы распространяли вкусные запахи пряностей и приправ, от чего в желудке Романа неприятно засосало. Он только теперь понял, насколько проголодался. Разлив дежурные пятьдесят грамм от радиации и, выпив не чокаясь, с удовольствием принялись за подогретые на спиртовке консервы. Вдруг где-то в коридоре послышалось какое-то движение. И тут же вместо банок в руки Тимофея и Панамы переключались предусмотрительно положенные рядом автоматы. В коридоре снова что-то загремело. Тимофей поднялся на ноги и, переведя предохранитель оружия на автоматический режим стрельбы, укоризненно, шёпотом сказал смотрящему в их сторону Октябрю:

– Ну что, Финист ясный сокол, просрал братков? – тот, лишь пожав плечами, прислонил к стене малоэффективную в данной ситуации СВД и достал из кобуры ППС.

– Не могли они мимо меня незамеченными пройти.

Тут Роман вспомнил о странном госте, который к нему наведывался незадолго до их прихода, о чём так же, полушёпотом рассказал Тимофею. Услышав историю, Тим громко рассмеялся и, глядя на недоумевающих товарищей, забросил автомат за спину.

– Отбой мужики, это наш Тарас жути нагоняет. Видимо, еду почуял. Так что извини Октябрь, что в тебе засомневался. Иди перекуси, пока ты ешь, Панама за улицей понаблюдает.

Понаморёв, что-то невнятно пробурчав, прошёл к окну и, взяв винтовку Октября, занял его позицию. Когда все точки были расставлены и прерванный обед продолжился, Роман, запиная соком очередной бутерброд, поинтересовался.

– Тимофей! Расскажи мне, что это за Тарас такой. Вёл себя он как-то странно, и вид у него тот ещё, будто он зомби.

Тим, пытавшийся поддеть штык-ножом очередной кусок мяса из банки, словно разговор идёт о чём-то совсем обыденном, ответил.

– Тут ты, Рома, в самую точку попал. Он зомбак и есть. Самый, что ни на есть, настоящий. Тарас тут давно обитает. И нам хлопот не доставляет. Мужики, когда сюда заходят, ему поесть

оставляют и игрушки мягкие, если находят. Поэтому он на запах и загнашился. В общем, он у нас тут, вроде как, за сторожа. – Роман вспомнил странную сцену с медведем.

– Слушай, а почему Тарас? – Тимофей отставил опустевшую банку в сторону.

– Вот этого, Ром, я не знаю. У зомбаков в голове остаются лишь отрывочные воспоминания. В памяти сохраняются, видимо, самые, яркие моменты их жизни. Так вот и с ним произошло. Старожилы рассказывали, что когда-то внук у него или сын был, точно не знаю. В общем, погиб он как-то трагически, вот он в детский сад и устроился сторожем, чтобы, видимо, к детям поближе быть. Наверное, тосковал очень, а почему Тарас? Бог его знает... Может внука так звали или это его имя. Никто этого уже не узнает, а раз он имя Тарас постоянно повторяет, так к нему оно и приросло. Одно странно, он чужих обычно сторонится, да и знакомым не часто лицезреть себя даёт, а к тебе вышел. – Закончить рассказ Тимофей не успел, Панама, смотревший из окна за местностью быстро подошёл к своим товарищам.

– Октябрь! Бери свой винтарь... У тебя из него ловчее получается, а мне из своей старушки привычней будет. Господа бандиты у нас на подходе, – опережая вопрос Тимофея, закончил. – Восьмерых засёк, думаю это не все. В дальних кустах на шесть часов от беседки видел шевеление, но точно не уверен. Так что готовимся к веселью, – совсем невесело подытожил Панама.

В ратном деле все присутствующие были не новички. Без лишней суеты заняли заранее намеченные позиции и стали ждать сигнала Тимофея. Он, основательно устроившись у разбитого оконного проёма, рукой подозвал к себе Романа.

– Лис! Приземляйся рядом... Тут сектор для стрельбы хороший. Почти всю поляну накрываем, – и, хитро подмигнув, закончил. – Раньше времени не пали. У меня для этих чудо Богатырей пара сюрпризов приготовлено, а вот как сработает, тут – пали... не стесняйся. – и, тихо хохотнув, припал к прицелу своей штурмовой винтовки. Нельзя сказать, что бандиты по бестолковому сгрудившись толпой шли на убой. В их действиях читался отработанный, хоть и стандартный стиль боевого построения. Авангард в лице двух разведчиков, основная группа и замыкающая, смотрящая в стороны и назад. Они быстро продвигались к детскому саду с абсолютно уверенным видом, что их враги находятся именно в нём. Уже отчётливо были различимы лица наступающих, но Тимофей всё ещё медлил. Наконец, сработала хорошо замаскированная растяжка. Оба разведчика, идущие первыми, оказались в облаке взрыва и, иссечённые осколками, остались неподвижно лежать на земле. Почти синхронно с взорвавшейся растяжкой прозвучал выстрел СВД Октября. И ещё один бандит рухнул словно подкошенный. Дальше события стали развиваться не по сценарию Тимофея. Несколько автоматных очередей полоснули из-за кустов, о которых ранее предупреждал Панама, но огонь стрелявшие вели не по детскому саду, а по бандитам. Ещё трое джентльменов удачи оказались лежать на жухлой траве поляны. Двое оставшихся в живых, один из которых, видимо, был серьёзно ранен, бросили оружие на землю и подняли руки. Тимофей, не отрывая глаз от прицела, громко, чтобы услышали все, сказал.

– Мужики, не расслабляйтесь... в этом секторе своих быть не должно, – словно в подтверждение его слов из-за кустов вышло четверо бойцов в чёрно-красных комбинеЗонах. Роман, наблюдавший за всем что произошло в прицел, убрал палец с курка.

– Тим! Что, всё? Враг повержен, война отменяется? И ещё... что за злой прикол... Вы в своих жёлто-серых ещё куда не шло, а эти вовсе... цирк Шапито какой-то. Их чёрно-красные кафтаны за версту видать. Они как снегири на снегу, или это у вас нынче мода такая? – Шутку Романа Тимофей не оценил.

– Насчёт цвета с тобой согласен, но только это не мода, а их стиль... Вроде как пренебрежение к маскировке, а во всём остальном ошибаешься. Эти борцы за справедливость, в кавычках, конечно, похлеще наших приболотнённых отморожков раз в сто. Это боевой квад группировки ДОЛГ. Не вдаваясь в подробности, подготовка у них отменная, и они, – Тимофей

кивнул в сторону Долговцев. – Самый серьёзный наш враг, после выброса, конечно. Подробнее я тебе потом расскажу, если живыми выбраться сумеем, в чём я, не без причины, сомневаюсь. Одно тебе скажу, договариваться с ними бесполезно, поэтому вместо того, чтоб болтать и меня отвлекать, приготовься к бою, – И снова уткнулся в прицел своей винтовки.

События не заставили себя долго ждать. Окружившие бойцы ДОЛГА, наспех обыскав захваченных бандитов, поставили их на колени. И холоднокровно застрелили. Вид этого Роману дал уверенность в том, что Тимофей говорит правду, ему даже стало немного жаль тех несчастных, которые, видимо, зная нрав Долговцев всё же понадеялись на то, что им сохранят жизнь, за что и заплатились, лёжа в луже собственной крови. Октябрь тихо подошёл к Роману.

– Вот суки... видишь, что творят, – и, обращаясь уже к Тимофею, указал рукой в сторону от стоящей группы долговцев. – Бульдог, смотри, справа на 200 метров ещё компания. Надо этих валить и уходить, пока ещё возможность есть.

Посмотрев в указанном направлении, Роман тоже заметил группу в снаряжении «красночёрных тонов», в количестве двух квадов, по четыре человека в каждом. Тимофей, молча взвесив все за и против, наконец, принял решение.

– Значит так, мужики... пальбу первыми не открываем. Октябрь! Будем надеяться, что твой выстрел они не слышали, может, сможем по-тихому уйти. Ну, а если что, то делимся на пары. Так выходить легче будет. Мы с Романом, а ты с Панамой. Встретимся на промежуточной, возле поля. У хутора призраков.

Уйти по-тихому не получилось, где-то далеко раздался негромкий хлопок и Серёга Понаморёв, стоявший у дальнего оконного проёма, нелепо вскинув руки, кулём повалился на спину, с ровной точкой во лбу и раздробленным в кровавую кашу затылком. Октябрь метнулся к своему упавшему другу.

– Снайпер, сволочь... Сейчас я его, суку достану, – и, не обращая внимания на протестующие жесты Тимомфея, не скрываясь, встал на место своего убитого друга, жадно прильнув к прицелу СВД. Несколько мгновений спустя снова последовал далёкий хлопок, почти одновременно с ним прозвучал характерный выстрел СВД Октября. С взглядом исполненной мести Октябрь повернулся к Тимофею.

– Всё, спёкся гнида, я его тоже в лоб перекрестил, – только сейчас Роман с Тимофеем заметили на лице Октября страшную, пробороздившую всю щёку пулевую рану. Тимофей быстро достал мед-пакет.

– Дурак чёртов. Они же не знали сколько нас здесь...

Октябрь, ещё не осознав, что своим выстрелом, отомстив за смерть Панамы, обрёл всех остальных на неминуемую гибель, возмущённо крикнул.

– Ну я же этого козла уложил... – Тимофей, уже бинтуя раненного в щёку Октября, без злобы проговорил.

– Ты, чудила, всех нас вместе с этим козлом уложил.

Как и предположил Тимофей, выстрел СВД был замечен и по окнам детского сада ударил шквал автоматных очередей, осыпав укрывшихся кирпичной крошкой и штукатуркой. Ответный огонь Бульдог вести запретил. Отмахнувшись от вопрошающих взглядов Романа и Октября.

– Потом объясню... Мысль у меня одна появилась, может и сработает. Октябрь! Давай мне свою пушку.

– Зачем ещё?

– Затем ещё, – в тон ему огрызнулся Тимофей и, буквально, силой вырвал из рук Октября винтовку. – На споры сейчас времени нет, просто выполняй приказ, а приказываю следующее... Вы оба быстро уходите через левое крыло здания, там пролом есть. Ты о нём, Октябрь, знаешь, – тот утвердительно кивнул. – Действуем как договорились, встречаемся через три часа на промежуточной. Если не успею – ждать не надо. Ты, Октябрь, проводишь Романа до

стоянки у хутора и покажешь тропу к Сталкерскому бару. Ну вот вроде и всё. Уходите, а я здесь ещё пошумлю маленько, чтобы у наших друзей желание не возникло вокруг здания погулять.

Без лишних возражений, собрав всё необходимое, Роман двинулся за уходящим Октябрем и уже во след услышал голос Тимофея.

– Лис! Всё будет путём, ты только артефакт Штуцера и мой подарок никому не показывай и как бы туго не было, не продай. Ну всё, будь уже.

Огонь со стороны Долговцев заметно усилился и Роман, ещё раз взглянув на широкую спину Тимофея готового к стрельбе, поспешил догонять Октября, спускавшегося по лестнице на первый этаж. В шуме автоматных очередей послышался характерный для СВД хлопок, затем ещё и ещё.

– Моя плётка работает, – с гордостью сказал Октябрь. – Я её из сотни узнаю...

Миновав длинный коридор первого этажа, они свернули в правую дверь, ведущую в хозяйственный блок. Здесь, в полумраке комнаты с одним небольшим окном, нелепо расположенном почти под потолком, Роман заметил какое-то шевеление. У кучи изорванных, когда-то аккуратно скрученных и сложенных матрасов, сидел его странный знакомец Тарас. Состояние его было плачевным. Видимо он попал в поле зрения Долговцев и они буквально изрешетили пулями всё тело несчастного. Обе его ноги были перебиты и держались лишь за счёт одежды. Кисть одной руки тоже была оторвана, а той единственной что осталась он крепко прижимал к себе плюшевого медведя. Несколько пуль попали в лицо, изуродовав и без того обезображенные черты. Октябрь лишь на секунду бросил взгляд в то направление куда смотрел Роман.

– Спёкся наш Тарасик, – и прошёл в угол комнаты, где должен был находиться выход. Услышав знакомое имя, зомби поднял голову и посмотрев на Романа, искажённым ранами голосом сказал...

– Тарас, мой Тарасик, мой был Тарасик, сын... Мой, мой был, – и протянул Роману игрушку. Хоть Тимофей говорил, что в зомбаках уже ничего человеческого не осталось, теперь Роман точно знал, что Тарасом звали сына этого бедолаги, и столько тоски и жалости было в его глазах, что в присутствии разума, пусть и другого, но всё же осмысленного, теперь он, Роман, был уверен полностью. Подойдя к сидящему, он принял из его руки протянутого медведя. Тот, кого звали Тарас как-то облегчённо вздохнул, взгляд его стал спокойным, и голова склонилась на грудь, освободив его от тоски по сыну навсегда. Октябрь, отодвинув лист железа, открыл проход.

– Лис! Поторопись, поминки потом устраивать будем. Бог даст живим остаться, всех помянем как следует, и Панаму, и этого чудака, сейчас главное, чтобы Бульдог нам ещё немного времени выиграл, – словно в подтверждение слов Октября со стороны второго этажа прозвучал выстрел. Как и предполагал Тимофей, его план сработал, и стрельба отвлекла Долговцев. Роман с Октябрем благополучно миновали открытую местность возле детского сада и, уже скрываясь за стеной одноэтажного дома, услышали серию взрывов, полыхнувших огнём и дымом из окон второго этажа, где находился Тимофей.

– Вот суки... – крикнул Октябрь и погрозил кулаком невидимым врагам. – Ладно, твари... я с вами ещё разберусь и за Панаму, и за Бульдога, и за всех нормальных мужиков. Не знаю Лис, чем таким ты Тимофею в душу запал, да и не моё это дело... но раз он собой ради тебя пожертвовал, твой отход прикрывая, значит была на то причина, – и вопросительно посмотрел на Романа, но так и не дождавшись ответа, закончил. – Ладно, не до разговоров сейчас. Нам ещё шагать почти через весь город, да за ним ещё километров пять с лишком. Так что пошли, – после чего почти до самой промежуточной точки Октябрь не проронил больше не слова и лишь изредка, следуя по только ему известным ориентирам, ненадолго останавливался, указывая Роману места скопления аномалий, заставляя его двигаться след в след. Роман, не забывая осматриваться по сторонам, всё думал, что ему сказал Октябрь.

– Почему Тимофей так поступил? Ведь он знал, что фактически обрекает себя на смерть. Как бы он сам поступил, случись такое с ним? И сам себе ответил... что сделал бы точно также и любой, у кого есть стержень внутри и совесть, не позволяющая прятаться за спинами товарищей. В конце концов. – Рассуждал он. – Рано ещё Тимофея хоронить, может ещё обойдётся.

Миновав последний квартал унылого вида домов, они вышли из городской черты и, обогнув по едва заметной тропе бывшую авторемонтную базу, видом больше напоминавшую развалины из эпического фильма о второй мировой войне, наконец вышли к намеченной точке сбора. П-образная стена из уложенных в два ряда бетонных блоков служили надёжным укрытием от не званых гостей. Под навесом из нескольких листов ржавой жести стоял грубо сколоченный стол и лавки. Тут же, рядом, расположился широкий вход в коллектор каких-то подземных коммуникаций. Двухсотлитровая бочка, служившая мусорным баком, почти наполненная пустыми банками и бутылками, давала ощущение обжитого места и защиты, хотя было видно, что и здесь случались стычки, это можно было определить по кучкам стреляных гильз и щербинам на бетонных блоках. Октябрь устало скинул с плеч свой рюкзак и одним движением расстегнул разгрузку.

– Всё... прибыли. Теперь остаётся только ждать, – и посмотрел на часы. – Ещё час осталось. Если ты не против, я немного покимарю, а ты за местностью посмотри. Хотя сюда, конечно, вряд ли кто сунется, это наша территория, но кто его знает? – подложив разгрузочный жилет под голову, Октябрь растянулся на лавке. Роман против не был. Заснуть он бы всё равно не смог.

В его голове роем пронеслись события последних дней. Даже для него, видевшего виды, это было, пожалуй, слишком. На многие вопросы, которые он задавал себе, не было ответа, а если и были, то слишком нереальные, чтобы быть правдой. Единственное, что он для себя решил это то, что нужно следовать цели, а она была ясна. Ему необходимо найти своего друга Борьку Кору, и по возможности выбраться из этой проклятой Зоны, но чем дальше он об этом размышлял, тем всё призрачнее казалось выполнение его плана. Борька хоть и был в прошлом неплохим спортсменом, но в боевых действиях ничего не понимал и всегда сторонился этих тем, и даже если по какой-то чудесной прихоти его ещё нигде не подстрелили, и не сожрала какая-нибудь тварь, не говоря про выброс, найти его был ничтожно малый шанс. Но как бы ничтожен он не был, Роман его в полной мере использует, а вот выбраться из Зоны, тут задача ещё сложнее. Вся эта чихорда с артефактами для Романа была и вовсе непонятна, но та уверенность, с которой о них говорил Тимофей вселяла некую надежду. Мысли Романа были прерваны громким холодящим кровь в жилах рёвом, донёсшимся из перелеска на другом конце поля. Расстояние до места было не менее километра, но прозвучал он так, что создавалось ощущение, словно тварь находится в нескольких метрах. Роман подскочил с ящика, на котором сидел и, передёрнув затвор автомата, приготовился к скорой встрече с монстром, глотка которого способна своим воплем заглушить духовой оркестр. Октябрь тоже присел на лавке, широко зевнул, и посмотрел на часы.

– Вот гад... поспать не дал. Это кровосос орал. Видать охота у него не задалась, вот и сердится.

Прозвучали несколько pistolетных хлопков и снова последовал громкий рёв. Октябрь, не обращая на это внимание, достал из рюкзака пару банок тушёнки и флягу.

– Кровососа, Рома, из pistolета убить практически нереально... Это что из рогатки в паровоз стрелять... Тварь, я тебе хочу сказать, примерзкая. Роста в нём два с лишком метра. Здоровье как у пятерых крепких мужиков, а когда охотится, уходит в состояние «Стелс», то есть невидим становится, вплоть до момента атаки. И убить его можно только в рожу, а когда он свою рожу покажет, то убивать он уже тебя будет. Вот такая математика. Нас они не трогают. У нас вроде как договор с ними и защита есть.

Роман сразу вспомнил об артефакте, который лежал у него в кармане и теперь понял, почему Тимофей велел никогда с ним не расставаться.

– Не понимаю я, – между тем продолжил Октябрь. – Ты в Зоне ещё совсем новичок, а Бульдог велел отвести тебя к Сталкерской тропе, она, кстати, как раз где кровосос орал начинается. Вот он, таких как ты и ловит. И кровосос, – поучительным тоном продолжил Октябрь. – Это ещё не самая страшная тварь. Есть ещё химера, та хоть не исчезает, но замочить её вообще практически невозможно. Контролёр...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.